

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ НЬЮ-ИОРК

ИСТОРИИ ИЗ ГОРОДА, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ СПИТ

ПИТЕР С. БИГЛ * ХОЛЛИ БЛЭК

НАОМИ НОВИК * ПИТЕР СТРАУБ И ДР.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Мастера магического реализма (АСТ)

Джордж Мартин

**Фантастический Нью-
Йорк: Истории из города,
который никогда не спит**

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

Мартин Д. Р.

Фантастический Нью-Йорк: Истории из города, который никогда не спит / Д. Р. Мартин — «АСТ», 2017 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-110810-6

Загадочный и замкнутый молодой человек, владеющий телекинезом, становится величайшим супергероем Нью-Йорка... Любовь вспыхивает между небоскрёбами Эмпайр-стейт и Крайслер-билдинг... Под Нью-Йорком находят туннели, не отмеченные ни на одной карте... Торговля недвижимостью для сверхъестественных существ оказывается невероятно сложным занятием... Прославленный редактор-составитель Пола Гуран собрала коллекцию удивительных и разнообразных историй, которые происходят в «Большом Яблоке». Среди авторов – лидеры рейтингов «Нью-Йорк таймс» и лауреаты премий «Хьюго» и «Небьюла»: Джордж Р. Р. Мартин, Питер Страуб, Наоми Новик, Мария Дэвана Хэдли, Питер Бигл, Холли Блэк и многие другие. Любой, кто хоть раз был в Нью-Йорке, знает, что это поистине волшебное место. И собранные в этой книге рассказы лишней раз демонстрируют, каким невероятным, загадочным, странным и иногда жутким может быть этот фантастический город.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-110810-6

© Мартин Д. Р., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Делия Шерман	7
Джон Ширли	19
Наоми Новик	30
Элизабет Бир	40
Мария Дэвана Хэдли	48
Ричард Боус	53
Питер Страуб	63
Часть первая	63
Часть вторая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Фантастический Нью-Йорк: Истории из города, который никогда не спит Редактор-составитель Пола Гуран

Предисловие Уникальное место

Нью-Йорк – уникальное место.

Ни в одной стране мира вы не найдете другого, подобного ему.

Перл Бак

Нью-Йорк – вполне реальный город, но всем известно, что это также и волшебное место. Здесь происходят фантастические вещи. Этот мегаполис – воплощение современной городской романтики, динамики и азарта. Здесь можно найти чудеса на любой вкус: скрытые порталы в другие миры и эпохи, тайные убежища и чарующие, волшебные уголки. В этом городе можно встретить удивительных людей и еще более удивительных животных. Все пять городских округов – источники мифов и легенд. Для множества людей Нью-Йорк долгие годы был городом мечты, единственным местом, где человек может воплотить в жизнь любые свои желания. Этот город ни на минуту не засыпает и, возможно, благодаря этому имеет и темную сторону. Он вдохновляет и пугает. Но нигде больше вы не встретите героев, обладающих достаточной силой, чтобы одолеть зло. Нью-Йорк называют центром Вселенной. Здесь может случиться все что угодно – а когда случается, то воспринимается как данность, а иногда и вовсе проходит незамеченным!

Такова действительность, и немудрено, что Нью-Йорк всегда вдохновлял писателей от Вашингтона Ирвинга до множества современных авторов, смешивающих фантазию с реальностью.

Перед вами сборник из девятнадцати фантастических историй, которые вряд ли могли произойти на самом деле – но если бы произошли, то только в Нью-Йорке!

Пола Гуран

Начнем с истории из прошлого. Когда-то в Нью-Йорк в поисках лучшей жизни прибыло множество ирландских иммигрантов. Но люди были не единственными, кто покинул зеленые берега Эйре и пересек Атлантику...

Делия Шерман Как Пука в Нью-Йорк приплыл¹

Ранним утром одного весеннего дня тысяча восемьсот пятьдесят пятого года пассажиры, прибывшие на «Ирландке» из Дублина, перешли на борт парового лихтера «Вашингтон». Каждый волочил за собой тяжелый багаж: одежду, обувь, инструменты и домашнюю утварь, лепреконов и домовых, а также многочисленных блох. Кое за кем грязной вуалью тянулись призраки прошлого. Лиам О'Кейси из Баллино, что в графстве Даун, привез с собой оловянную дудочку, сборник стихов Джеремии Джозефа Калланана, мешок с парой рубашек и тремя носовыми платками, кожаный кошелек со сбережениями и здоровенную гончую по кличке Мадра, что по-ирландски значило просто «пес».

Лиам О'Кейси был статным красивым мужчиной с копной засаленных черных кудрей над широким лбом и маленькими аккуратными ушами. Голубоглазый, широкоплечий, он одной улыбкой мог очаровать даже монахиню. Он был конюхом, но обликом напоминал отчаянного разбойника или пирата, сильного, но не блестящего умом дамского угодника – и наверняка с непреодолимой тягой к спиртному.

Но не судите по одежке. Лиам был прирожденным артистом и виртуозным музыкантом. Как-то ночью, когда «Ирландка» попала в шторм и набившихся в трюм пассажиров буквально выворачивало наизнанку, Лиам достал свою дудочку, и в зловонном трюме полилась нежная мелодия «Плача Молли по Уильяму». Он играл всю ночь, и пусть его музыка не утихомирила бурный океан, она развеяла тревоги взрослых и убаюкала детей.

После этого пассажиры то и дело упрасивали Лиаму сыграть на дудочке джигу или рил. Лиам не возражал, и непременно стал бы всеобщим любимцем, если бы не его огромный черный пес.

Мадра вызывал у людей недоверие. Как правило, скот и домашние животные не допускались на борт кораблей, что ходили из Старого Света в Новый. Их нужно было кормить, за ними нужно было прибирать. Исключения делали разве что для певчих птиц в клетках, но не для огромных, будто мифический Черный пес, гончих с острыми зубами и горящими желтыми глазами. Пассажиры недоумевали, как пса пустили на борт, и как он пережил столь долгое, тяжелое путешествие.

– Не думал, что собаки подвержены морской болезни, – сказал сосед Лиаму, мужичок из Корка, прикрывая нос одеялом, когда Мадру в очередной раз стошнило. – Ты уверен, что твоя псина не заразна?

Лиам погладил дрожащего пса.

– Боюсь, он у меня сухопутный. Я бы оставил его дома, но он был против. Может, ему в моем гамаке полегче будет.

К удивлению мужичка из Корка, так и вышло.

– А наш паренек-то добряк, – сообщил он своим друзьям-картежникам.

– Оставь его, – ответил один, – нечего нам якшаться со всякими дудочниками да свистунами.

Когда «Ирландка» вошла в гавань Нью-Йорка, глазам Лиаму предстал широкий, будто море, залив. Утреннее солнце заливало янтарным светом лесистые холмы, пакгаузы, прибрежные постройки и мириады суденышек. По обе стороны от «Вашингтона» мелькали островки; одни дикие и пустынные, другие – застроенные домами и причалами. На ближайшем к Ман-

¹ "...And the Angel with Television Eyes" © 2013 John Shirley. First publication: *The Mammoth Book of Angels and Demons*, ed. Paula Guran (Robinson).

хэттену острове высилась круглая постройка, напоминающая то ли гигантский амбар, то ли форт. Люди сновали вокруг каменистого холма, словно муравьи у муравейника.

Мужичок из Корка первым нарушил благоговейную тишину.

– Матерь Божья! – выдохнул он. – Да по сравнению с этим наш Дублинский залив – просто лужа!

Лиам и думать забыл про Дублинский залив. Перед ним как на блюдечке разлеглась вся Америка; морские птицы зазывали его в порт. Он прибыл сюда, чтобы начать новую жизнь, и твердо намеревался в этом преуспеть. Выросший в деревне Лиам собирался теперь жить в городе, среди незнакомых людей. Никаких больше одноэтажных хибар с земляным полом, и никаких угольных печей с трубами.

Он даже сможет раз в неделю есть мясо!

Лихтер замедлил ход, и пес Лиама с трудом приподнялся, положив лапы на перила. Подставив морду сильному береговому ветру, он тяжело дышал. Спустя несколько секунд пес фыркнул и раздраженно помотал головой.

Мужичок из Корка расхохотался.

– Похоже, твоя псина не в восторге от Нового Света, Лиам О'Кейси. Может, тебе стоило оставить ее в Старом?

Мадра оскалился в ответ, будто сам говорил на гэльском не хуже любого работяги.

Лиам потрепал беднягу за ухом. Лихтер пришвартовался, и пассажиры «Ирландки» принялись выносить из трюма свои пожитки – котомки и сундуки, призраков и воспоминания, – а потом поковыляли вниз по трапу. На причале их собрали портовые служащие, и отвели в сарай, где несколько клерков сверяли имена пассажиров и багаж с декларацией. Покончив с формальностями, иммигранты получали право начать новую жизнь где и как им заблагорассудится.

Наиболее везучих и предусмотрительных встречала родня и друзья. Обнявшись, они отправлялись восвояси, оживленно болтая. Те же, кто не подготовился должным образом – включая Лиама и мужичка из Корка, – в сомнениях болтались по пристани, не зная, что делать дальше.

Лиам пал духом. Глядя на горы ящиков, мотки каната, повозки, сети и корзины с рыбой, ему вдруг показалось, что он вовсе не покидал Дублина. Та же грязь под ногами, тот же тяжелый, пропитанный ароматом тухлой рыбы соленый воздух, та же угольная гарь, те же грязные люди с мозолистыми руками, нагружающие и разгружающие лодки и перекрикивающиеся друг с другом на незнакомых языках.

– Через недельку к ним присоединишься, – мужичок из Корка треснул Лиама по спине так, что пыль поднялась. – А я отправляюсь на Дикий Запад. Там землевладельцев меньше, чем зубов у курицы, а в реках течет золото.

За спиной раздался незнакомый голос.

– Полагаю, вам нужно место для ночлега, – к счастью для новоприбывших, на всех знавших всего с десяток слов по-английски, незнакомец говорил на ирландском. – Идемте за мной. Вы и глазом моргнуть не успеете, как окажетесь в чистых, презентабельных и весьма недорогих меблированных комнатах.

По сравнению с портовыми рабочими незнакомец выглядел упитанным; его сюртук был лишь слегка поношенным, а рубашка почти идеально чистой. Волосы его были щедро намажены, а улыбка сияла ослепительнее солнца. Но стоило ему заметить Мадру, как он стал мрачнее тучи и пнул бедного пса в бок.

– Эй! – расвирипел обычно добродушный Лиам. – Ты пошто мою собаку пинаешь?!

– Грязное отродье. Всем известно, что у собак на каждой шерстине по блохе.

– Больше, гораздо больше, – заметил мужичок из Корка.

Все собравшиеся усмехнулись, ведь шерсть Мадры за пять недель пути облезла так, что на боках и животе пса виднелись проплешины.

Пансионный зазывала ухмыльнулся, демонстрируя золотой зуб.

– Вот именно. Госпожа О’Лири не обрадуется, если я притащу в ее чистое, ухоженное заведение каких-то оборванцев. Можете переночевать снаружи у двери.

Развернувшись, он повел группу клиентов за собой.

Лиам уселся на ящик, положив котомку у ног, раздумывая, где в этом огромном городе можно утолить голод и жажду, и во сколько это ему обойдется. Облезлый пес уселся рядом.

– То был истинный злодей, – заметил Мадра. – От него так и разило жадностью и гусиным жиром. Держись от него подальше.

– Гусиный жир я унюхал, – ответил Лиам, – а о жадности можно было догадаться. Но где теперь искать проводника и кров над головой? Скажи, тебе стало получше на берегу?

Мадра раздраженно рыкнул.

– Мне достаточно хорошо, чтобы держать нос по ветру и разнюхать, где нас встретят ласковее, чем тот жулик с золотым зубом.

– И где, Мадра? Разве что в Дублине. Или дома в Баллино. Зачем я только уехал?

Гончая тяжело вздохнула.

– Не желай того, чего не хочешь. По крайней мере, не передо мной. Будь у меня прежние силы, ты бы сию секунду оказался в Баллино, и потом всю жизнь мучился бы угрызениями совести из-за того, что все твои усилия пошли насмарку, – пес устало поднялся на ноги. – К северу отсюда есть трактир. Его хозяин не отвернется от несчастного соотечественника и его верного пса.

– Ты не мой пес, – сказал Лиам, закидывая котомку на плечо. – Я же все тебе объяснил еще в Баллино. Я поступил с тобой, как поступил бы с любым живым созданием. Ты мне ничем не обязан.

– Я обязан тебе жизнью, – Мадра принюхался. – За мной.

Несмотря на большие лапы, Мадра быстро направился прочь от воды. Лиам спешил следом, разевая рот от вида огромных кирпичных пакгаузов нью-йоркского порта.

Пука чувствовал себя скверно. Глаза слезились, в груди саднило, шкура зудела так, будто его покусал пчелиный рой, а подушечки лап горели, словно он только что прошел по открытому огню. Ему опротивел и собачий облик, и человек, к которому он привязался. Он устал от тесного трюма, где невозможно было свободно бегать, и запаха смерти, что обволакивал людей как вторая кожа. Но больше всего ему докучало постоянное присутствие рядом холодного железа, от которого он мог попросту раствориться.

Путешествовать с Лиамом О’Кейси, чьи сапоги были подбиты гвоздями, а в котомке лежал нож, было неприятно, но в Дублине стало еще хуже. Пять недель на борту «Ирландки» стали настоящей пыткой, которую пука пережил лишь благодаря тому, что Лиам отдал ему свой гамак. Но хуже всего оказался этот новый город: для маленького народца он был не менее враждебным, чем самый праведный из священников.

Однако даже в губительном порту этого города на глаза пуке успел попасться шелки в людском обличье, спокойно таскавший ящики, от которых железом разило так же сильно, как в воздухе разило тухлой рыбой.

Учуввав шелки по запаху морского воздуха с легкой примесью шерсти и мускуса, пука последовал за ним к группе докеров, загружавших ящики на подводу, и принялся их обнохивать. Один из них схватил пуку за шкуру, словно щенка, и потащил за составленные штабелем бочки.

– Ты что за чудовище? – спросил шелки с резким шотландским акцентом.

– Я пука, – гордо заявил пука. – Из графства Даун.

– Дай угадаю: только с дороги, и к железу еще не привык? Свезло тебе, песик, что на м'ня нарвался, и к бабке не ходи!

Пука наострил уши.

– У тебя есть лекарство от железной хвори?

– Не у м'ня, – ответил шелки. – На Пяти углах есть трактир, хозяйка там ши, и весь гэльский народ сперва к ней идет. Иначе смерть, – шелки достал из кармана деревянную коробочку и открыл. – На вот, дыхни.

В нос пуке ударил запах слабого пива, опилок и волшебства фейри.

– Будьте любезны, ответьте еще на один вопрос, – сказал пука. – Примут ли в трактире ши смертного?

Шелки убрал коробочку в карман.

– Может, и примут, а может, и нет. Тебе-то что?

– Мы с ним, как бы это сказать, компаньоны, – ответил пука.

– Он что – знает, кто ты на самом деле? – присвистнул шелки. – Вот чудеса! Расскажи-ка, и будем в расчете.

Пука понимал, что история – пустяковая плата за столь ценную информацию, но рассказывать ее он не рвался. Истории, где пука был героем, а человек доверчивым простофилей, он с удовольствием рассказывал всем желающим. А вот историю, где простофилей оказался он сам – другое дело. Тем не менее за помощь нужно было отплатить.

– Что ж, идет, – сказал он.

Шелки ухмыльнулся белозубой улыбкой.

– Не с'час. М'ня ждет работа, а т'бя – ирландская фея. Давай как-нибудь перед летним солнцестоянием. Спроси в порту Иэна, м'ня тут все знают. И не мучься попусту за свово мужика; хозяйка его не обидит, если он не станет язык распускать.

– О, да он у меня воспитанный, – кисло ответил пука. – Истинный джентльмен, таких еще поискать.

Именно поэтому пука никак не мог по-настоящему возненавидеть Лиама О'Кейси, и по этой же причине уже полгода не мог с ним расстаться. Теперь его занесло далеко от дома; он мучился железной хворью, чесоткой и был настолько слаб, что не способен был менять облик, а главное – над ним по-прежнему висел неоплаченный кровный долг.

Нюх у пуки был острее, чем зубы у келпи, но нижний Нью-Йорк стал для него настоящим лабиринтом незнакомых и сбивающих с толку запахов. Улицы пахли навозом и мусором, собачьими метками и пóтом везущих тяжелые подводы лошадей. Пука едва не выскочил из остатков шкуры, когда ему в ухо хрюкнула тощая полудикая свинья, и благоразумно рассудил, что лучше ему что-нибудь проскулить и смиренно поджать хвост. Хрюкнув еще раз, свинья пошла своей дорогой.

Кланяться свинье! Не убитый железом, пука готов был умереть со стыда и возжелал убить Лиама за то, что тот притащил его в этот ужасный город. Но прежде он должен был помочь этому жалкому смертному.

Лиам был голоден и хотел пить еще утром, когда сошел с «Вашингтона». К полудню он успел устать, натер ноги и был вконец озадачен. Когда Мадра принялся к двери трактира некой Мэйв Макдонах, как принимался до этого к дверям пятидесяти подобных заведений, Лиаму было уже все равно. Единственным отличием этого трактира от остальных была табличка «бесплатный обед» в окошке. Прочитав меню – холодное мясо, соленья и лук, – он взмолился святой деве Марии о том, чтобы его путешествие окончилось здесь. Вторую, благодарственную молитву он прошептал, когда Мадра, вздернув уши и хвост, проковылял по грязным ступенькам и скрылся в темном помещении.

У стойки Лиам узнал, что «бесплатный» обед полагался при покупке двух кружек пива по пять центов. Пиво оказалось слабым и кислым, а мясо напоминало подошву, но Лиам был рад и этому. Пока он ел, рядом присела одетая в цветастое платье пышнотелая темноволосая женщина с дерзким взглядом и загорелой кожей, буквально сунув Лиаму под нос надушенную терпкими духами грудь.

– Нравится, а, парниша? Можем устроить и более подробный осмотр.

У Лиамы закружилась голова, и он уже готов был согласиться, когда раздался голос другой женщины – звонкий и мелодичный, словно серебряный колокольчик. Проститутка шикнула, обнажив чересчур острые, чтобы выглядеть красивыми, зубы, и скрылась за спинами других гостей.

Опешив, Лиам взглянул на высокую рыжеволосую женщину на другом конце бара. Ее плечи укрывала бледно-зеленая шерстяная шаль; силуэт женщины буквально светился, ее кожа была светлее, волосы – ярче, глаза – лучезарнее, чем у обычной женщины. За полгода с пукой Лиам научился распознавать таких созданий, и никак не ожидал встретить их в Новом Свете.

– Добро пожаловать на Пять углов, – сказала женщина. – Хороший у вас пес.

Лиам опустил взгляд на Мадру, который загадочно пыхтел у его ног.

– Что вы, он мне не принадлежит, – ответил он. – Точнее, я ему не хозяин. Просто наши пути сошлись.

Женщина широко улыбнулась. Лиам с облегчением отметил, что ее зубы отличались лишь ослепительной белизной и ровностью.

– Хороший ответ, юноша. Я Мэйв Макдонах, хозяйка этого трактира. Будьте как дома. Если вам негде переночевать, могу предложить кровать наверху, двадцать центов за ночь или четыре доллара за месяц вперед, если желаете.

Лиам с поклоном протянул Мэйв серебряные монеты. Та рассмеялась, и смех ее был звонок, как горный ручей. Заказав еще пива, Лиам направился к компании ирландцев, которые, судя по виду, провели в Нью-Йорке на пару недель больше него.

Нервно сглотнув, пука лизнул ссадину на боку. Ему казалось, что этот трактир, как и все остальное в этом проклятом месте, насквозь пропитался железом. Сколько в этом здании было гвоздей? Сколько железных обручей на пивных бочках? Где-то внутри была печь, а едва ли не все посетители держали за пазухой ножи, а кто-то – даже пистолет. Было невыносимо. Настолько невыносимо, что пука начал понимать: в этом городе негде скрыться от гложущей его кости боли. Здесь его окружали люди и железо; на улице поджидало еще больше людей и железа. Пука готов был рвать зубами всех вокруг, пока не погибнет, или пока не отступит боль – одно из двух.

До его головы дотронулась чья-то прохладная рука. Разгоряченный нос уловил свежий, будто весенняя травка после дождя, запах. В голове тут же прояснилось, кровавая пелена перед глазами спала. Над пукой склонилась удивленная зеленоглазая женщина-ши.

– Я Мэйв, – сказала она. – Пойдем со мной.

Комната, куда Мэйв отвела пуку, была темнее и жарче остального трактира. У стен стояли пивные бочки, а на столе возвышался какой-то сложный агрегат из стекла и олова, от которого разило спиртом.

– Пука, – произнесла Мэйв, ставя на стол фонарь. – Я еще не встречала вашего брата по эту сторону океана. Послушай моего совета, милый. Этот город – не место для создания лесов и болот.

– Деваться мне некуда, – раздраженно ответил пука. – Чую, придется поплатиться жизнью за услугу.

– Быть может, столь дорогую цену платить не придется, – Мэйв пристально посмотрела на пуку. – Скажи, пука, сколько стоит твоя жизнь?

– Мне нечего тебе предложить, – ответил пука, – кроме вечной благодарности.

Мэйв рассмеялась.

– Нет ничего лучше, чем торговаться с пройдохой вроде тебя, даже полумертвым. Я помогла бы тебе, пусть лишь для того, чтобы иметь удовольствие и дальше проводить время в твоей компании, но это невыгодная сделка. Как насчет дюжины волосков из твоего хвоста, чтобы я могла призвать тебя в час нужды?

– Хорошие сделки не совершаются без доброй воли, госпожа. Пусть будет три волоска – и я стану служить вам усердно и с уважением.

– Семь, ни больше, ни меньше. Если только ты не готов отдать мне в распоряжение своего смертного.

Пука задумался.

– Прискорбно это признавать, но мы связаны кровным долгом, – он тяжело вздохнул. – Что ж, я приду на зов семь раз. С вами трудно торговаться, хозяйка.

– В этом городе доброму народу иначе не выжить, – Мэйв подошла к полке, откуда взяла шерстяной шнурок и заплела его вокруг покрытой плотной шерстью шеи пуки.

Оберег жег сильнее крапивы. Заскулив, пука принялся чесать шею.

– Избавишься от него – навредишь себе, – заметила Мэйв. – Сорви и умри, либо терпи и живи. Со временем он перестанет тебе досаждать.

– Потерплю, – сказал пука.

Оставшийся в баре Лиам успел кое-что узнать.

Во-первых, работу в Нью-Йорке найти было можно, но сложно, как бы ты ни старался.

Во-вторых, любая работа заключалась в том, чтобы с рассвета до заката гнуть спину, а платили за нее ровно столько, чтобы рабочий не испустил дух.

В-третьих, работу в Нью-Йорке искали не только смертные. Среди собутыльников Лиам нашелся и карлик в зеленом пиджаке, чьи рыжие бакенбарды дали бы фору самому принцу Альберту, и растрепанный черноволосый парень в дырявом камзоле, и коротышка с золотистыми кудрями, державший в зубах глиняную трубку.

Беспокоясь за содержимое кошелька, Лиам благоразумно отказался ставить деньги на забег между лошадью и свиньей, а также вкладывать их в «беспроектное дело». А когда златоволосый стал выпытывать у него имя и название родного графства, Лиам сообразил, что в опасности мог оказаться не только кошелек.

Решив избавиться от излишнего внимания, он пошарил в котомке и достал оловянную дудочку.

– Хотите, сыграю?

Коротышка тут же оживился.

– «Виски перед завтраком» знаешь?

– Еще б не знать! – воскликнул Лиам и заиграл.

Если бы он не был подвыпившим (и далеко не слегка), то от волнения у него наверняка пересохло бы во рту, и он бы напортачил. Но мелодия «Виски перед завтраком» выходила из его дудочки чистой и залиистой, как пение птиц майским утром в Баллино.

Карлик начал притопывать крошечными ножками в подбитых башмаках. Кудрявый парень со вздохом облокотился на прибитую к стене полку, а златоволосый коротышка отложил трубку и принялся хлопать в такт мелодии. «Виски перед завтраком» разносилась на весь трактир, и вскоре все были зачарованы ясными, звонкими переливами, пляшущими под потолком и звонко отражающимися от составленных за барной стойкой керамических бутылок.

Трижды повторив мотив, Лиам отнял дудочку от губ и открыл глаза.

– Еще! – нетерпеливо потребовал карлик.

Лиам сыграл «Ведьму горной долины», «Дамские панталоны» и «Похоронил жену и сплясал на могиле», на которой весь трактир пустился плясать и подпевать. Тогда Лиам, сам того не заметив, заиграл мелодию, которую сочинил перед тем, как отправиться пытаться счастья в Америке.

Когда он закончил, кудрявый парень крепко обнял его, заливая волосы горячими слезами.

– Слава флейтисту! – крикнул карлик, поднимая кружку.

– Слава флейтисту! – отозвались остальные.

В руке Лиама тоже оказалась кружка. Не успел он ее осушить, как кто-то сунул ему другую. Смочив горло, он заиграл снова.

Спустя некоторое время Лиам почувствовал, как кто-то тянет его за штанину. Это был Мадра, вид у которого был еще несчастнее прежнего. Шерсть у пса на шее свалилась, к ней прилипли грязь и веточки, а желтые глаза дико таращились на Лиама.

Лиам убрал дудочку и присел рядом с псом.

– Мадра, дружок, тебе плохо?

– Плохо, – с раздражением признал Мадра. – Еще бы мне было хорошо, глядя на то, как ты тут якшаешься с лепреконами, клуриконами, ганканахами и прочим отребьем с самого дна волшебного котла? Я несю за тебя ответственность, но случись что, не смогу тебя защитить. Я ведь сейчас как новорожденный щенок!

Лиам рассмеялся.

– Так вот они кто! Что ж, моя музыка пришлось им по нраву. Пока я их развлекаю, они не станут мне вредить.

– Вероятно, – холодно ответил Мадра.

Кто-то тронул Лиама за руку и, обернувшись, он увидел улыбающуюся Мэйв Макдонах.

– Сэр, благодарю за представление. С тех пор, как я обосновалась на здешних берегах, не видела, чтобы публика так разгорячилась. Сегодня я выручила столько, что с меня причитается бесплатный ужин для вас и вашего пса – если в него, конечно, полезет мясо. Идемте в заднюю комнату, подальше от шума и гама. А как поужинаете – ложитесь спать, не то из вас здесь все соки выжмут.

Если бы Лиам был один, то вряд ли отправился бы после ужина в постель – настолько его воодушевил алкоголь и радушный прием, оказанный его музыке. Но ему приходилось заботиться о Мадре, а тот едва держался на ногах. Поэтому Лиам последовал за Мэйв в заднюю комнату и слопал не только свою миску весьма недурного жаркого, но и порцию пса – того по-прежнему тошнило от одного только запаха еды.

Действительно, пука никогда еще не чувствовал себя хуже. Оберег от железной болезни кусал за шею, будто лютый волк. Мадра дрожал, перед глазами стояла пелена, а жажду не утоляла даже вода. За долгие годы жизни ему не приходилось так страдать – даже попавшись в стальной капкан браконьера, из которого он был спасен в доску пьяным конюхом по имени Лиам О'Кейси.

Когда Лиам закончил ужинать, пука ослаб настолько, что не мог стоять. Лиам подхватил его на руки и, пыхтя, отнес наверх.

По общему виду трактира Мэйв Лиам догадывался, что за ночлег его ждал. Помещение было самого унылого вида, душное, с низким потолком, сквозное с выходами в обе стороны. Вдоль стен крепились в четыре ряда деревянные нары, на которых Мэйв располагала своих жильцов – иногда по двое сразу.

Лиам нашел свободное место на нижней полке, у дальней двери, рядом с горшком, и уложился на нее Мадру. Кое-как примостившись рядом с горячим, дрожащим телом пса, он уснул.

После бурного дня и бессчетных кружек пятицентового пива Лиам спал крепко. Проснулся он лишь трижды: первый раз, когда его пьяные собутыльники лезли по шатким лесенкам на верхние полки, а второй – когда кто-то наступил ему на руку, спускаясь к ночному горшку. В третий раз его разбудило тоскливое поскуливание бедняги пса.

Открыв глаза, Лиам увидел больше десятка крошечных светящихся существ. Быстро маша легкими прозрачными крылышками, они собрались вокруг Мадры, дергая его за уши, усы и брови. Лиам шикнул на них и отмахнулся, как от пчел, но существа были куда назойливее пчел, и принялись щипать Лиам за лицо своими маленькими пальчиками. Признав поражение, Лиам поднял Мадру и осторожно отнес вниз. Там они и провели остаток ночи, свернувшись на полу, лишь чуточку более грязном, чем спальная полка.

На рассвете, который из-за серых туч можно было и не заметить, пука проснулся от легкого пинка в бок. Над ним стояла Мэйв.

– Доброго тебе утра, плут, – произнесла она. – Как себя чувствуешь в этот погожий весенний денек?

Пука поднялся. Суставы у него затекли, но больше не болели, а обжигающее пламя вокруг шеи остыло на градус или два. Широко зевнув, пука встряхнулся.

– Я жив, – сказал он, – что само по себе удивительно, но весьма приятно. А так, конечно, я предпочел бы проснуться на милом сердцу болоте в Эрине, и чтобы близился не тусклый серый день, а дождливая ночь.

– Согласна, плут, согласна, – на мгновение пуке открылось истинное лицо Мэйв, вытянутое и свирепое, как у посаженного в клетку ястреба. – Буди своего человека, плут. Мне нужно мыть полы и делать обереги для страдальцев, которых сегодня может занести мне на порог.

Пука послушно ткнул Лиам О'Кейси носом, давая понять, что пора вставать.

Лиам проснулся. Во рту стояла горечь, живот сводило, голова болела. Чтобы собраться с духом, пришлось сунуть голову в бочку с затхлой водой. Кружка пятицентового пива и ломоть пресного хлеба прямо из печи подкрепили силы, и Лиам О'Кейси вышел в апрельское утро с твердым намерением во что бы то ни стало найти работу.

Мадра отправился с ним.

Без сопровождения Лиам наверняка весь день проболтал бы с каким-нибудь прохожим, если повезло бы – с обычным человеком, как и он сам, и, опять же, если повезло бы – получил бы от него полезный для обычного человека совет. Но в компании Мадры ему не оставалось ничего, кроме как следовать за псом и стараться не попасть под тяжелый обоз, не споткнуться о шальную свинью и не врезаться в чью-нибудь тачку, или в одного из спешащих на работу серолицых мужчин. Когда Мадра остановился у большого, обшитого досками склада, Лиам насквозь вспотел и вконец выбился из сил.

Вывеска гласила:

Высококачественная мебель Грина.

Работаем с 1840 года.

Упр. Эбенезер Грин.

– Мадра, ты, должно быть, забыл, что я конюх, а не плотник.

Мадра тяжело вздохнул.

– За складом конюшня, болван! Я отсюда чую. Заходи, за спрос денег не берут.

Отряхнувшись и поправив шляпу, Лиам вошел на склад. Внутри кипела работа; множество неряшливо одетых мужчин сновали, как муравьи, переносили доски и готовую мебель. Плотный мужчина в ярком камзоле и шляпе с загнутыми вверх полями громогласно командовал. Полагая, что это и есть Эбенезер Грин, Лиам подошел к нему и поприветствовал на луч-

шем английском языке, на который был способен. Маленькие глазки мистера Грина буквально впились в него.

– Падди, говори по-американски или вали. А лучше и то и другое. У нас тут нативистское предприятие, мы не водим дел с Миками и прочим отребьем.

Мужчина говорил громко и ровно, его акцент был незнаком Лиаму. Однако его вид и тон были ясны как стеклышко.

– В таком случае доброго вам дня, господин нативист, – сказал Лиам и направился к выходу.

– Нашел чем хвалиться, – сказал он Мадра, когда они оставили мебельный склад позади.

– В лошадях он ничего не смыслит, – ответил Мадра. – Видел, какие у него клячи? Ноги тощие, как палки, а шкура будто молью поедена. Тебе тут делать нечего.

Другую конюшню Мадра нашел при транспортной компании у порта. Хозяйствовал там Корнелиус Вандерхуф, которому, как любому голландцу, плевать было, на каком языке говорит человек, если тот согласен получать доллар за десять часов работы.

– Мне конюх не нужен, – вполне добродушно ответил он Лиаму. – У меня два мальчика-служки, больше не надо.

– Мальчики годятся лишь на то, чтобы кормить, поить да навоз убирать, – сказал Лиам. – А я за лошадьми буду ухаживать, как за детьми родными, уж помяните мое слово.

Мистер Вандерхуф покачал головой.

– Приходи в мае. Может, найдется какая работа, если с упряжкой справляешься.

Так прошел день. Хозяин одного извозничьего двора только на днях нанял конюха. Другой предложил Лиаму пятьдесят центов за уборку навоза, и только. Третий принялся мотать головой, не дав ему и рта раскрыть.

– На дворе апрель, – сказал он. – До лета никто тебя не наймет. Ты же ирландец? Так иди таскать кирпичи или рыть фундаменты, как другие твои земляки.

– Я конюх, – ответил Лиам с мольбой в голосе, и тут же укорил себя за это.

– Да будь ты хоть королем графства Даун, – ответил извозчик. – Тут конюхов пруд пруди. Хочешь найти работу – садись на поезд и поезжай на запад.

Выйдя со двора, Мадра подал голос.

– Смеркается. Вернемся домой?

Лиам окинул взглядом громыхающие по изъезженным улицам тяжелые подводы, доверху груженные ящиками, и серолицых людей в лохмотьях, спешащих домой в сумерках. Босоногих, немых детей, вьющихся у телег, норовя подхватить упавшее яблоко или умыкнуть из-под носа зазевавшегося возницы кочан капусты. В ушах раздавался стук колес, скрип несмазанных осей, крики, ругань и смех.

– Нет у меня дома, – ответил он. – И кажется, больше не будет.

Он ожидал, что Мадра обзовет его тряпкой или посоветует развеять тяжелые думы пинтой пива или веселой песней, но Мадра лишь молча ковылял по улице, опустив голову и повесив хвост, такой же усталый и расстроенный, как и сам Лиам.

Будучи бессмертными, волшебные существа не слишком-то беспокоились о нехватке времени. Для них один день пролетал в мгновение ока, а месяц был все равно что человеческий вздох. Прежде пука никогда не следил за сменой дня и ночи и не считал время между приемами пищи. С тех пор, как его жизнь переплелась с жизнью Лиама, ему приходилось этим заниматься.

Сегодня был поистине долгий и тяжелый день.

Сперва пука был обрадован тем, что остался жив и вполне неплохо себя чувствовал. Кожа под оберегом Мэйв зудела, но этот ошейник исцелял его, и силы понемногу возвращались к

пуке. Он то и дело подбегал к стальным перилам, бочкам и обшитым железом колесам телег, трогая и обнюхивая их, чтобы убедиться, что холодное железо больше над ним не властно.

Встреча с Эбenezером Грином отрезвила его. Если бы пука был в форме, он несомненно унюхал бы истинную сущность Грина еще до того, как переступил порог его склада.

Но пука был не в форме. За целый день ему не удалось ни у кого выманить даже монетки на пиво. Он испугался, что чары Мэйв вылечили его от железной болезни ценой его собственной магии. Ему нужно было как-то отвлечься от повседневных забот, которые занимали его с того самого дня, когда Лиам вызволил пуку из капкана. Ему нужен был какой-то вызов – например, пари или фокус. Что-то проверенное и, предпочтительно, не слишком рискованное, чтобы положить конец сомнениям, а заодно заработать для Лиама немного монет.

– Лиам, – произнес пука, – у меня появилась идея. Завтра, как только рассветет, отправимся туда, где живут богачи, и ты продашь меня в качестве крысолова за лучшую цену, какую сможешь получить.

– Зачем это? – устало спросил Лиам. – Может, здесь никому не нужны крысоловы, тем более ирландские?

– Собаки людям всегда пригодятся, – уверенно заявил пука.

Лиам покачал головой.

– Не стану я этого делать, и точка. Чтоб я, да друга продал? Ты за кого меня принимаешь?

– А кто сказал, что продажа будет окончательной? – настаивал пука. – Не успеешь ты и глазом моргнуть, как я сбегу и вернусь в трактир Мэйв.

– А если не сбежишь, что тогда? Мне придется тебя выкрадывать? Мадра, ты спятил! Это город вскружил тебе голову?

План казался пуке великолепным, и он всеми правдами и неправдами пытался убедить в этом Лиама. Тот не сдавался. По его словам, это было противозаконно, аморально и опасно. Он ничего не хотел об этом слышать. Это окончательно убедило пуку в том, что городская жизнь подходит Лиаму не больше, чем дикому оленю. Если бы пуки не было рядом, простофиля давно бы распрощался со всеми сбережениями и помер бы от голода в какой-нибудь канаве прежде, чем затхлый воздух корабельного трюма выветрился бы у него из легких.

Оставался Дикий Запад. «На западе ему самое место, – подумал пука. – Завтра нужно будет придумать, как достать билет на поезд».

Размышления пуки прервал яростный визг. Ощетинившись, он обернулся и оказался нос к носу с огромной уродливой вонючей свиньей.

Что ж, драка тоже неплохой способ освежиться.

Оскалившись, пука зарычал. Свинья сверкнула безумными янтарно-желтыми глазами и попятилась для рывка. Пука покосился на Лиама, которого окружил выводок визгливых, так и норовящих уцепить за ногу поросят. Лиам отмахивался от них котомкой, поругиваясь и изо всех сил стараясь не шлепнуться в грязь. Стоит ему упасть, как поросята непременно затопчут его и, весьма вероятно, сожрут.

Пука закипел праведным гневом. Увернувшись от свиного наскока, он бросился на подмогу Лиаму и вскочил на спину самому здоровому поросенку. Поросянок скинул его, но пука успел оттяпать ему пол-уха. Сплюнув, он погрузил зубы в ляжку ближайшего поросенка. Тот взвизгнул и бросился наутек, оставив четверых собратьев и мамашу сражаться с пукой.

Пуке не доводилось сражаться в столь яростных битвах с тех пор, как святой Патрик изгнал змей в море, а волшебный народ – в пещеры под холмами, но этот бой он твердо намеревался выиграть. У себя дома пука вмиг разделался бы со свиньями. Дома он даже в обличье пса был проворнее пчелы, сильнее быка и напористей прибоа. Но он застрял в этом облике, как невылупившийся цыпленок в яйце, а недели мучений от железной болезни и недостатка пищи подорвали его силы.

Лапы пуки разъехались на скользкой, перемешанной с навозом, земле, и резвый поросенок крепко его ударил. Из раны на боку брызнула кровь, и на пуку нахлынули волны боли и ужаса. Бессмертные не могут умереть, но это не значит, что их нельзя убить.

Инстинкт подсказывал пуке, что необходимо обратиться, но он боялся, что не сможет, что потерял эту способность, что пробыл псом слишком долго и забыл, как обращаться в существа с копытами, рогами или в людей в одежде, которую можно снять.

Почувствовав замешательство противника, свинья воодушевилась и ринулась на пуку, визжа, будто ржавая дверная петля, и метя острыми как копья клыками прямо в мягкий живот пуки.

И тут инстинкт взял верх.

Сбросив собачью шкуру, пука с криком махнул тяжелыми, неподкованными копытами, желая переломить свинье хребет. Он был быстр, но свинья была еще быстрее – в последний момент она все-таки уклонилась от атаки. Пука переключился на поросят, бурным потоком наседавших на Лиама, и принялся колотить их копытами и кусать.

Увидев угрозу отпрыскам, свинья налетела на пуку, как ураган. Пука отскочил и контратаковал, на этот раз втоптал свинью в грязь. Стоя над поверженными врагами, пука громко возвестил о своей победе.

Кто-то обнял его рукой за загривок. Пука узнал Лиама. С дрожью в голосе, но одновременно и с облегчением тот шептал:

– О, мой дорогой, мой славный защитник. Эта битва достойна быть воспетой в балладах, уж я-то об этом позабочусь – как только поджилки перестанут трястись, а сердце прекратит выскакивать из груди.

Гордо выпятив грудь, пука потыкал ногой поверженных противников. Очухавшийся поросенок тяжело поднялся и поковылял по улице, наперерез гнедому мерину, впряженному в блестящую черную двуколку, ведомую возницей в цилиндре.

Даже побитый и напуганный, Лиам скорее бросился бы вплавь до Ирландии, чем оставил коня в беде. Как только поросенок проскочил у мерина меж копытами, конь принялся брыкаться, но Лиам подскочил к нему и схватил за узду.

Конь мотал его, будто терьер крысу, но Лиам держался, успокаивающе приговаривая на ирландском и английском, пока мерин не перестал буяннить.

Ласково потрепав гнедого по морде, Лиам оглянулся.

Улица напоминала бойню. В грязи валялись окровавленные свиные тушки; собравшиеся рабочие с отвисшими челюстями стояли вокруг. Чуть в сторонке пес Мадра зализывал рану на боку.

Бледный, как его рубаха, возница спрыгнул с козел.

– Спасибо вам, – его голос с типично американским произношением звучал доброжелательно. – Это был смелый поступок. Вы умеете обращаться с лошадьми?

Лиам потер лоб костяшками пальцев.

– Еще как, сэр.

– Вы конюх?

– Не просто конюх, а тренер. На родине я тренировал скаковых лошадей.

Джентльмен изумился.

– Тренер?! Разрази меня гром! Можно узнать ваше имя?

– Лиам О'Кейси, к вашим услугам.

Джентльмен рассмеялся во весь рот.

– Оставьте эти расшаркивания, мистер О'Кейси! Я Уильям Грейвз, конезаводчик, – мистер Грейвз протянул Лиаму визитку. – Возьмите карточку. Моя ферма – сразу за сиротским

приятном, примерно на Восемьдесят пятой улице. Загляните завтра, если будет время. Думаю, нам будет что обсудить.

Пожав обмякшую руку Лиама, мистер Грейвз забрался обратно на козлы, взял поводья и тронулся.

– Вот это повезло так повезло.

Голос принадлежал Мадре, но когда Лиам обернулся, то не увидел пса. На его месте стоял высокий мужчина в черной рубашке и грязном старомодном сюртуке. Кожа его была бледной, черные, как вороново крыло, волосы стягивал кожаный ремешок, а под черными бровями вразлет сидели узкие раскосые глаза.

– Хватит уже тарашиться, Лиам О'Кейси, – сказал пука. – Я ведь не настолько скверно выгляжу.

– Мадра?

– Собственной персоной. Стою перед тобой на двух ногах – чем не человек? – пука взял Лиама под руку и потащил за собой. – Пошли к Мэйв Макдонах, хлопнем виски за труды. День не зря прошел.

Оглянувшись через плечо, Лиам увидел, как по свиным трупам проехала запряженная двумя лошадьми тяжелая повозка, везущая пианино.

– Моя котомка, – запричитал он. – Моя оловянная дудочка!

– Творения преподобного Калланана спасти не удалось, – сказал пука, – а вот дудочку... – он протянул Лиаму слегка помятый, но целый инструмент. – Твой кошелек я тоже спас.

– И мою жизнь, – остановившись, Лиам взял пуку под руку. – Я навеки перед тобой в долгу.

Пука насторожился.

– Лиам О'Кейси. Что ты несешь? Мы ничего друг другу не должны. Жизнь за жизнь, услуга за услугу. Теперь мы квиты.

– Значит, теперь ты меня покинешь? – спросил Лиам, и пука так и не смог понять, с надеждой или страхом он это сказал.

– Сперва надо выпить, а там посмотрим, – ответил он, неожиданно почувствовав, что идти под руку с Лиамом ему куда спокойнее. – Тебя ведь нужно будет доставить к мистеру Грейвзу.

– Думаешь, он меня возьмет?

– Безусловно. А еще, не сомневаюсь, предложит руку своей дочери.

Лиам расхохотался.

– Мадра, он едва ли старше меня. Если у него и есть дочь, то она наверняка еще маленькая. Мы же не в сказке, а в реальном мире.

– Ты уверен? – добравшись до трактира Мэйв Макдонах, они вошли в жаркий и шумный бар. – Я вот думаю, что в таком большом городе, как этот, найдется место и сказке. Жизнь в Нью-Йорке кипит, мой друг, и я, пожалуй, останусь тут – пока ты будешь навещать меня и развлекать своими мелодиями. Какое может быть веселье, если некому сыграть тебе «Виски перед завтраком»?

А теперь пришла пора перескочить в Манхэттен ближайшего будущего, где один актер поутру находит на своей кровати металлического грифона.

Джон Ширли

...И ангел с телеэкраном вместо глаз²

Проснувшись серым апрельским утром, Макс Уитмен увидел на столбике в изножье своей антикварной кровати с балдахином живого грифона. Спросонья Макс любовался, как грифон – блестящий, металлический грифон – чистил зеркальные перышки острым кадмиевым клювом. При движении грифон слегка поскрипывал. Сперва Макс решил, что еще спит – в последние дни ему как раз снились яркие, кинематографичные, связанные между собой сны. Но, кажется, один из снов превратился в явь. Макс помнил грифона из прошлого сна. Тот сон был полон контрастов: ему снились строгие, не излучающие тепла столпы белого слепящего света, бьющие сквозь безнадежно унылые облака. Сверкая серебром, грифон приближался к Макс, лавируя среди световых колонн. И вдруг тучи сгустились, пролившись дождем – алым, плотным, липким. Кровавым дождем. Кровь стекала по стенам высоких, украшенных горгульями башен хрустального замка. Безо всякой опоры замок парил в воздухе, монолитный, будто гора Эверест, отражая осаду армии уродливых летучих существ под началом человека с головой из колючей проволоки...

Что за ужасный сон.

Макс вздрогнул. Он надеялся, что грифоном дело и ограничится. Не хватало еще, чтобы в его реальной жизни тоже пошли кровавые дожди.

Он протер глаза, ожидая, что грифон исчезнет. Но тот оставался на своем месте, все такой же сияющий. Великолепный. И, кажется, голодный...

Грифон заметил, что Макс проснулся. Выпрямившись и расправив двухметровые крылья, вспыхнувшие в лучах утреннего солнца, без помех проникавших в комнату сквозь широкое панорамное окно, грифон произнес:

– Ну и что тебе от меня нужно?

Голос грифона был мужским, удивительно певучим.

– А? – неуверенно ответил Макс. – Мне? От тебя?

Неужели это голограмма? Но грифон выглядел абсолютно цельным... к тому же Макс отчетливо слышал, как когти существа царапают кроватный столбик.

– Я пришел на твой зов, – объяснил грифон. – Сначала ты звал громко, потом тихо. Видимо, еще не освоил мысленную связь. Но я тебя услышал и прилетел. Кто ты и зачем призывал меня?

– Слушай, я не... – тут Макса осенило, и он улыбнулся. – Это все Сандра? Сандра Кляйн, художница по спецэффектам. Это наверняка ее рук дело, – зевнув, Макс присел. – Должен признать, она превзошла саму себя. Ты просто чудо техники, черт бы меня побрал.

Ростом грифон был около метра. Он сидел на задних лапах, крепко вцепившись орлиными когтями в кроватный столбик, а передние львиные лапы – серебристые, металлические, гладкие – сложил на покрытых пухом коленях. Пух напоминал токарную стружку. У грифона была львиная голова с клювом вместо пасти. Его покрытая перьями грудь вздымалась и опала.

– Как механическое устройство может дышать? – задумчиво пробормотал Макс.

– Механическое? – переливчатые глаза грифона грозно сверкнули, и он взмахнул хвостом, который, казалось, был свит из проволоки. – Я действительно выгляжу так, будто сделан

² "...And the Angel with Television Eyes" © 2013 John Shirley. First publication: *The Mammoth Book of Angels and Demons*, ed. Paula Guran (Robinson).

из металла, пластика и проводов, но уверяю: я не имею ничего общего с тем, что вы, люди, зовете «искусственным интеллектом».

– Ага, – Макс неожиданно стало холодно, и он натянул одеяло до покрывшихся гусиной кожей плеч. – Прошу прощения.

«Лучше его не злить», – подумал Макс.

– Значит, это не Сандра тебя прислала?

Грифон фыркнул.

– Сандра? Ни в коем случае!

– Я... – у Макса пересохло в горле. – Я видел тебя во сне.

Макс чувствовал себя странно, как будто принял наркотик, одновременно обладающий и успокаивающим, и возбуждающим действием.

– Во сне? – грифон насторожился. – А что еще ты видел в этом сне?

– Там были... какие-то твари. Шел кровавый дождь. Помню замок, который то появлялся, то исчезал. И человека, сделанного, кажется, из расплавленного металла. Его голова была из колючей проволоки. Мне уже не впервые снится сон, где я вижу... такое.

– Если тебе и правда это приснилось, то мое появление было предначертано судьбой. Я вижу, что ты в самом деле не понимаешь, зачем я здесь, – грифон моргнул; его тонкие металлические веки едва слышно клацнули. – Но ты не удивлен. Другой на твоём месте уже бросился бы с криками наутек. Ты веришь в мою реальность.

Макс пожал плечами.

– Наверное. Но ты так и не назвал причину твоего появления. Говоришь, оно было предначертано?

– Скорее, запланировано. Мое имя Блик, я Старозаветный Охранитель, верховный чиновник на службе лорда Виридиана. А ты – если ты и вправду человек – обладаешь врожденным неограниченным талантом. Ты отправил мне мысленное послание во сне, бессознательно. Послание было неясным, и мне стоило догадаться. Вот так так! Я в этих вопросах не специалист, но ты можешь быть одним из Скрытых. Что ж, определим на собрании. Сперва я был бы не прочь немного подкрепиться. Если не ошибаюсь, вы, люди, держите еду на каких-то «кухнях»? Наверное, это дальше по коридору...

Соскочив с кроватного столбика, блистательный грифон с легким клацаньем приземлился на пол и поскакал в сторону кухни.

Макс в задумчивости выбрался из кровати.

«А ведь верно, – подумал он. – Мне стоило бы испугаться или хотя бы растеряться. А меня ничего не смущает. Я действительно ожидал чего-то подобного».

Ожидал с тех самых пор, как начал видеть сны. Они начались спустя неделю после того, как его утвердили на роль принца Редмарка. Он сам придумал герою имя – оригинальное, придуманное сценаристами вызывало сомнения, и Макс предложил наугад: «Как насчет принца Редмарка?» Продюсеру понравилось. Успешная карьера в шоу-бизнесе нередко строится благодаря таким случайностям. После четырех съемочных дней первых двух серий и начались сны. Иногда Максуснилось, что он принц Редмарк, иногда он просто видел вспышки света, ощущал порывы ветра, способного мыслить и чувствовать. Он пробирался сквозь невиданные сады невидимых цветов... Потом сны становились все более мрачными, жестокими, и он нередко просыпался мокрым от пота, со сжатыми от напряжения кулаками, вытаращив глаза. В этих снах были грифоны, кровавые дожди и жуткие твари. Летучие, когтистые.

Макс сыграл принца Редмарка уже в семи сериях. Его выбрали на роль благодаря атлетическому телосложению, густой темной шевелюре и тому, что пиарщики назвали «аристократической отрешенностью» – проще говоря, высокомерному виду.

К своему удивлению Макс Уитмен обнаружил, что ему даже не приходится по-настоящему играть роль. Когда он предстал в образе принца Редмарка, он был принцем Редмар-

ком. Просто как дважды два. Сотрудники съемочной бригады втихую подшучивали над ним, потому что между съемками он не выходил из образа и расхаживал по площадке, держа королевскую осанку и не снимая руки с эфеса меча.

Сегодня утром он не чувствовал себя принцем Редмарком. Его все еще клонило в сон, он был сбит с толку и чувствовал нависшую над ним угрозу. Потянувшись, Макс направился на кухню, обеспокоенный доносившимися оттуда зловещими и малоприятными звуками. Скрежетом когтей по стеклу. Плеском воды. Хлопаньем. Сообразив, в чем дело, он выскочил из спальни.

– Черт, он забрался в аквариум!

Макс бросился на кухню.

– Эй... вот дерьмо! Мои рыбки...

Грифон сидел на барной стойке рядом с десятигаллонным аквариумом. Три рыбьеласточки размером с ладонь медленно подышали на синем плиточном полу. Спорхнув на пол, грифон ловко располосовал рыб клювом и, как орел, проглотил по кусочкам. Синяя плитка окрасилась красным. Макс отвернулся, расстроенный, но не сердитый.

– Вот зачем ты это сделал?

– Против природы не попрешь. Я был голоден. Когда мы принимаем физическую форму, то должны питаться. Мертвечину из твоего холодильника я есть не могу. После некоторых раздумий я пришел к выводу, что тебя есть тоже не следует... Нам пора на собрание. И не спрашивай «какое еще собрание?».

– Ладно, не буду.

– Возьми экспресс-такси до Гавани, дом восемьсот шестьдесят два, квартира семнадцать. Я встречу тебя на балконе... постой-ка. Мне послание. Точнее, не мне, а тебе. Говорят... – грифон насторожился, будто прислушиваясь. – Говорят, я должен извиниться перед тобой за рыбу. Похоже, в их кругах ты пользуешься невероятным уважением, – грифон склонил голову. – Прошу прощения. Еще говорят, что ты должен прочесть письмо от какого-то Карстерса. Оно уже две недели лежит в папке «личные сообщения» твоего компьютера, но ты до сих пор не удосужился его прочесть. Обязательно прочти. Вроде на этом всё. Что ж, бывай...

Взмахнув крыльями, грифон перепорхнул в гостиную. Створчатые двери распахнулись перед ним, словно по мановению волшебной палочки. Он выбрался на балкон, сгруппировался и взмыл в воздух. Макс показалось, что напоследок грифон крикнул ему что-то, касающееся принца Редмарка.

Утро выдалось по-весеннему ветреным. Макс ждал сетевое такси под навесом на крыше своего дома. Сетью называлась система металлических контактных рельсов, будто тонкая паутина оплетающая громадные здания, горными вершинами возвышающиеся над облаками. Тысячи клиновидных такси и частных сетемобилей сновали по сети туда-сюда.

Макс нетерпеливо жал зеленую кнопку вызова на сигнальном столбе. Вызов принял транспортный компьютер в Аптауне, и к нему на автопилоте направилось пустое такси. Отделившись от лихорадочного потока машин, оно аккуратно спустилось к остановке под навесом. Забравшись внутрь, Макс вставил карточку «Юникард» в терминал. На небольшом экране появилось подтверждение оплаты проезда, и вопрос: «куда?». Макс ввел адрес с помощью клавиатуры. Компьютер такси передал координаты центральному компьютеру по встроенному в Сеть каналу данных. Получив ответный сигнал, такси покинуло остановку и вернулось на трассу.

Макс вспомнил, что грифон велел ему прочесть письмо от Карстерса. Они с Карстерсом познакомились на фестивале фэнтези. Карстерс намекнул, что занимался «весьма эзотерическими исследованиями» в отделении парапсихологии университета Дьюка. Макс было от Карстерса не по себе: актеру казалось, что новый знакомый следит за ним, оказываясь рядом

в любом уголке отеля, где проходил фестиваль. Поэтому он намеренно игнорировал письмо, но так и не решился его удалить.

Такси несло по городу, лавируя среди вершин небоскребов и пересекая узкие парки, устроенные на месте прежних авеню. Макс подал запрос на соединение с домашним компьютером. Терминал списал с его счета необходимую для оказания услуги сумму и подключил его. Макс заказал распечатку письма Карстера.

Он пробежал послание глазами, сперва остановив внимание на следующем отрывке:

...когда я увидел вас на фестивале, то сразу понял, что вы пользуетесь благосклонностью Тайной Расы. Они были там, совсем рядом, невидимые для вас – и для меня, но при определенном освещении, благодаря многолетним тренировкам, я могу сконцентрироваться и увидеть...

Макс вздрогнул. «Безумец», – подумал он. С другой стороны, грифон ведь был самым что ни на есть настоящим. Он пропустил пару абзацев, перескочив дальше:

Вы наверняка помните о ходивших в прошлом веке разговорах о «плазменных телах», существующих внутри наших физических тел – своего рода независимых, но неразрывно связанных с человеческой сущностью мембранах из субатомных частиц. Они представляют собой то, что принято было называть «душой». Некоторые специалисты пришли к выводу, что если это плазменное тело способно существовать в столь четкой форме внутри организма и пережить перемещение после гибели вышеупомянутого организма, то, возможно, существуют и бесплотные формы жизни, обитающие рядом с человеком, но неизвестные науке. Так вот, Макс, они существуют. Зафиксированные случаи одержимости дьяволом и полтергейсты – их рук дело. Многие мифологические существа тоже на деле были представителями этой невидимой расы. Моя организация пятнадцать лет занимается изучением Тайной Расы – или плазмагномов, как их иногда называют. Наши исследования проводились в строжайшей тайне, во избежание...

Макса отвлек странный звук – будто кто-то царапал крышу такси. Выглянув в окно, Макс ничего не увидел и пожал плечами. Наверное, ветром прибило газету. Он снова обратился к письму.

...во избежание недоразумений. Некоторые плазмагномы враждебно относятся к людям. Тайная Раса соблюдает строжайшую иерархию. Всего насчитывается порядка десяти тысяч плазмагномов, обитающих в тех уголках земного шара, которые принято считать непригодными для жизни. Для плазмагномов эти места вполне подходят. Большинство из них – так называемые смерды; они создают плазменные поля, своего рода энергетические пласты, которые могут быть использованы либо для питания, либо для создания эфирных конструкций. Об этих смердах хорошо заботятся. Аристократия занимается управлением и изучением различных вселенных, а в первую очередь – воплощением в жизнь и усовершенствованием Ритуала. Однако эта монархическая иерархия расколота на две противоборствующие фракции: Охранители и Эксплуататоры; это наиболее близкие по смыслу слова в нашем языке. Охранители следуют воле монарха и лордов-тетрархов. В последнее время число Эксплуататоров значительно возросло, и их стало сложно контролировать. Много веков назад Охранитель уже принимал на Земле физический облик «Мерлина», а Эксплуататор – «Мордредра», и теперь некоторые представители Тайной Расы вновь обзавелись телами и ходят среди нас...

Макс снова поднял голову.

Царапанье по крыше стало громче. Макс пытался не обращать внимания, но его сердце беспокойно заколотилось. Он покосился на письмо.

Эксплуататоры настаивают, что человечество обладает ограниченным мышлением, опасно для биосферы, слишком многочисленно и в целом годится лишь в рабы и для прокорма. Если им станет известно, что моя организация занимается изучением Тайной Расы, меня и моих сподвижников ждет неминуемая смерть. До недавнего времени Охранители не позволяли противоположной стороне принимать физическую форму. Вне физического тела им сложнее влиять на нас, потому что наше биологическое магнитное поле не дает им приблизиться... Много столетий назад они появлялись перед людьми в облике драконов, колдунов, фей, гарпий, крылатых коней, грифонов, ангелов и демонов...

Макс откинулся на спинку сиденья и недоуменно покачал головой. Грифоны... Он перевел дух. Это все равно мог быть розыгрыш. Грифон мог быть механическим.

Но он знал, что это не так. Знал еще с детства. Уже тогда он видел яркие, кинематографичные сны, которые...

Он насторожился. Над головой вновь раздалось тихое поскребывание. Боковым зрением он заметил темную фигуру и, обернувшись, увидел, как за окном скрылся из виду край кожного крыла.

– Боже!

Макс решил, что ему следует дочитать письмо, и как можно скорее. Чем больше он знает, тем лучше. Царапанье превратилось в скрежет, становилось все более громким и угрожающим.

Он заставил себя прочитать последний параграф.

...они принимали облик этих существ потому, что он соответствовал нашим ожиданиям. Они входят на видимый нам план бытия лишь изучив предварительно наши менталитет и наши культурные особенности, пройдя сквозь электромагнитное поле коллективного разума. Принимаемые ими формы, по всей видимости, отражают их собственный психологический портрет – у каждого он свой. Приобретая физическое тело, они манипулируют атомами материального мира при помощи телекинеза, и формируют образ, хотя бы отдаленно схожий с существующими в нашем мире организмами или машинами. Наше нынешнее общество зависимо от механизмов, и потому в последнее время они все чаще приобретают форму машин, скрещенных с более древними образами. Можно сказать, что они становятся роботами с внешностью мифических существ. Никакая магия в этом не замешана. Они реальны; в их телах происходит обмен веществ, они испытывают физиологические потребности и занимают свои экологические ниши. Они способны запоминать и хранить информацию в «закрытых плазменных полях», и даже строить себе жилье. Их замки, как правило, достигают огромных размеров; сложная структура этих сооружений невидима и неосязема для нас. Мы легко можем пройти сквозь них, не потревожив хозяев. Отношение Тайной Расы к материи, энергии и смерти радикально отличается от нашего. Именно из-за этого мы считаем их волшебными созданиями. А теперь к делу. Мистер Уитмен, я пишу вам, чтобы пригласить на собрание сил противодействия планам Эксплуататоров...

Макс не дочитал. Отвлёкся. Неприкрытый ужас способен отвлечь от чего угодно.

Скрежет металла над головой заставил его вскрикнуть. Тонкую крышу такси прорезали острые титановые когти, длинные, как пальцы человека, и угрожающе изогнутые. Металлическая крыша была почти сорвана.

Макс лихорадочно отправил сообщение на терминал: «Чрезвычайная ситуация, смена курса на ближайший полицейский участок. Беру на себя ответственность за любые нарушения правил дорожного движения».

Транспортный поток расступился перед такси, машина свернула с сети и спикировала с рампы вниз, остановившись на бетонной остановке на уличном уровне, прямо напротив участка и стоявшей рядом с входом полицейской машины, из которой еще не успел вылезти коп. Вытаращив глаза, он выхватил пистолет и бросился к такси.

Когти клацали, пытаясь схватить Макса. Он открыл дверь и выскочил из машины в поисках более надежного укрытия.

Что-то ударило его между лопаток, и он пошатнулся. Плечи будто пронзила ледяная сосулька, и он взвыл от боли. Металлические когти впились в плоть и подняли Макса в воздух. Он чувствовал, как напряглись его мышцы, вот-вот готовые порваться. Но тут когти отпустили его, и он упал навзничь. Дыхание перехватило, и он остался лежать, схватившись за живот. Что-то черно-синее, смутное, спикировало к нему сзади. Макс почувствовал, что его потянули за ремень, и через мгновение вновь оторвался от земли. Когтистые твари несли его за ремень, словно чемодан за ручку.

Он поднялся на два, три, пять метров над бетонкой, затем еще выше. Раздался выстрел, и Макс показалось, что полицейский упал под натиском крылатой тьмы.

Очертания города слились в серое пятно. Макс слышал хлопки могучих крыльев над головой. Он думал: «Я слишком тяжелый. Я не создан для полета».

Но его несли все выше. Крылья летучих тварей хлопали и поскрипывали, но в остальном Макс летел в тишине. Он перестал вырываться. Освободись он сейчас, и его ждет падение с высоты не меньше десяти этажей. Он обмяк и обреченно повис, будто заяц в когтях ястреба.

Внизу в поле его зрения появились еще две твари. Они несли несчастного полицейского – крупного лысого мужчину с пивным брюшком. Одна тварь держала его за лодыжки, другая – за шею. Коп не подавал признаков жизни, и судя по положению головы, его шея была сломана.

Если не считать свиста бьющего в лицо ветра и боли от врезавшегося в кожу ремня, Макс не чувствовал ничего, как во сне. Ему было страшно, безумно страшно, но страх каким-то образом слился с окружающим миром, превратившись в привычный, незаметный раздражитель вроде шума с соседней стройки. Но стоило Максу присмотреться к несущим его созданиям, как его охватило пугающее ощущение дежавю. Он помнил их из снов. Два дня назад он проснулся, бормоча «летучие твари, твари с когтями». Они были из винила. Сине-черного винила, натянутого на, как ему показалось, алюминиевый каркас. Они напоминали костистых, почти скелетоподобных женщин, с едва заметными твердыми бугорками на месте груди и руками, переходящими в широкие, зубчатые, кожистые крылья. У них были женские головы с яркими, похожими на мочалки зелеными париками, но вместо глаз были линзы фотокамер, по одной на глазницу. Когда они открывали рот, Макс видел вместо зубов иссиня-серые лезвия, идущие по всей длине узких челюстей. «Это гарпии, – решил он. – Виниловые гарпии».

Одна гарпия, что летела в трех метрах внизу, повернула виниловую голову и уставилась глазами-фотообъективами на Макса. Открыв рот, она вздернула подбородок, будто собравшаяся завывать собака. Но вместо воя раздалось предупреждение о воздушной тревоге: **«ВСЕМ УКРЫТЬСЯ В УБЕЖИЩАХ! ВСЕМ НЕМЕДЛЕННО УКРЫТЬСЯ В УБЕЖИЩАХ! НЕ СОБИРАЙТЕ ВЕЩИ. ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ В УБЕЖИЩЕ. НИЧЕГО С СОБОЙ НЕ БЕРИТЕ. ВОДА И ПИЩА БУДУТ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ НА МЕСТЕ. НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ...»**

Две другие гарпии подхватили сообщение. **«НЕМЕДЛЕННО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В УКРЫТИЕ!»** – раздавался бесполой, бесстрастный голос. **«ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ В УБЕЖИЩЕ»**.

Макс догадался, что для гарпий эти слова не несут никакого смысла. Для них эти звуки значили то же, что и карканье для ворон – объявление окружающей территории своей.

Они пробыли в воздухе не более десяти минут, рывками перемахивая через крыши и прочие городские постройки. Наконец началось снижение. Они были над Крайним городом, прежде носившим имя Южный Бронкс. Здесь люди еще пользовались автомобилями, оснащенными двигателями внутреннего сгорания – если могли достать контрабандный бензин. Улицы были покрыты потрескавшимся, в выбоинах, асфальтом. Полиция почти не заглядывала в эти края; камеры наружного наблюдения были сломаны, тротуары завалены мусором, а две трети зданий давно не видели жильцов.

Макс опускаясь на старомодную, покрытую гудроном крышу пятиэтажного дома, втиснутого между тремя зданиями повыше. Все четыре дома казались заброшенными, а вот здание напротив, через дорогу, было кем-то занято: прямо в вентиляционной шахте сушилось белье, а на крыше стоял ребенок – маленькая темнокожая девочка. Она смотрела на Макса без всякого удивления, и при виде этой девочки актеру сразу стало легче на сердце.

Там, где тени трех зданий сливались над четвертым, была небольшая пристройка, дверь которой вела с крыши внутрь дома. Дверь болталась на одной петле, а сразу за ней мерцала вишнево-красная лампа, пульсируя, будто гнев в чьей-то черной душе.

Виниловые гарпии развернулись, выбирая место для посадки, и лампа пропала из поля зрения Макса. Крыша стремительно приближалась. Когти разжались, и на мгновение он оказался в свободном падении. Пролетев три метра, он приземлился на пятки и перекатился вперед. Едва не задохнувшись от удара о поверхность крыши, он остановился, чтобы отдышаться. Лодыжки и ступни ныли.

Отдышавшись, он поднялся, пошатываясь, и протер глаза. Перед ним была открытая дверь. Внутри, в темном пыльном проеме стоял человек из раскаленной стали. Его торс и руки были накалены докрасна. Человек прикоснулся к деревянной раме, и та вспыхнула. Гарпии кружили над крышей, вскакивая на дымовые трубы и спрыгивая вниз, хлопали крыльями, кричали, громыхали свое «**НЕМЕДЛЕННО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В УКРЫТИЕ, НЕМЕДЛЕННО, НЕМЕДЛЕННО. НЕМЕДЛЕННО.**».

Человек из раскаленной стали вышел на крышу. Гарпии смиренно умолкли. Собравшись за его спиной, они склонили головы и принялись скоблить крылья остроконечными подбородками. В стороне, спиной к Макс, лежал бездыханный труп полицейского. Его голова была вывернута на сто восемьдесят градусов, единственный оставшийся голубой глаз безжизненно смотрел на Макса, а язык был перекушен надвое.

На несколько секунд наступила тишина. Слышались лишь шелест крыльев и потрескивание огня в пристройке.

Стальной человек не носил одежды. Его фигура была внушительной, двух с половиной метров ростом, и обтекаемой, будто корпус новейшего истребителя. Казалось, он был выточен из цельного куска металла, если не считать квадратной створки с металлической ручкой в груди. Створка напоминала дверцу старомодной мусоросжигательной печи – посередине была крошечная закоптелая стеклянная панель, за которой виднелось неугасимое голубовато-белое пламя. Его руки, ноги и стилизованные гениталии выглядели вполне человеческими, хоть и состояли из блестящего металла. Голова была свита из колючей проволоки – и при этом поразительно точно отражала все человеческие черты, включая мрачное выражение лица и аристократический профиль. На месте глаз зияли пустоты, в которых полыхал красный огонь. Языки пламени то и дело вырывались из глазниц, отплясывая на лбу и висках и постепенно угасая. Над головой вместо волос высились металлические колючки, из них же состояли брови и уши. Когда человек заговорил с гарпиями, из его рта вырвался сизый дым.

– Накормите меня, – проволочные губы двигались точно как человеческие, плетеная челюсть двигалась плавно. – Накормите меня, пока я буду говорить с ним.

Он шагнул к Макс, и тот попятился от невероятной жары.

– Я Лорд Танат, – лязгнул металлический голос.

Макс узнал его.

Одна из гарпий подлетела к трупу полисмена. Уцепившись за руку, она прижала тело своей короткой ногой и принялась выкручивать сустав. Оторвав руку от плеча, гарпия притащила ее Танату, оставив на гудроне крыши алый кровавый след. Свободной рукой гарпия повернула ручку на груди своего повелителя. Створка распахнулась, и изнутри вырвалась ослепительная вспышка. Отвернувшись от нестерпимого света, виниловая гарпия сунула руку полицейского вместе с обрывком рукава и наручной рацией в польхающее в груди Таната пламя. Зашкворчала плоть, повалил черный дым. В воздухе запахло жареным мясом. У Макса скрутило живот, и он сделал еще шаг назад. Онемев, он смотрел, как гарпии мечутся от трупа к Танату, понемногу расчлняя полисмена и скармливая кусок за куском этой адской топке – своему повелителю. Огонь в его чреве разгорелся сильнее, сталь засияла ярче.

– Так суждено, – произнес Танат. – Ты будешь служить мне. Макс Уитмен, ты смотришь на меня и моих слуг, и не впадаешь в безумие. Ты не убегаешь от меня в ужасе. Все потому, что ты так или иначе знал о нас всю свою жизнь. Когда мы впервые встретились в мире снов, я сразу понял, кто ты на самом деле. Ты сможешь служить мне и остаться жить среди людей. Ты станешь моим эмиссаром и получишь защиту от жалких трусов, стремящихся помешать моему присутствию в вашем мире. Ты будешь говорить от моего имени с людьми, с теми немногими, что управляют массами. С теми, кто имеет богатство и власть. Ты расскажешь им, что лорд Танат может наделить их еще большей властью. Я способен насладиться демонами и другие наваждения на их врагов. Их могущество преумножится, и тогда они накормят меня, чтобы преумножить мое могущество. Так суждено.

Не успел он договорить, как с небес спустилась еще одна гарпия и бросила к ногам повелителя новый труп, на этот раз молодого латиноамериканца в заляпанном грязью белом костюме. Танат тяжело вздохнул. Из широко раскрытого проволочного рта вырвался голубоватый, пахнущий фабричным выхлопом, дымок.

– Они всегда приносят мне мертвецов, и отучить их от этого не удастся. Почему нельзя не убивать? Ведь люди гораздо вкуснее, когда в них еще теплится жизнь. Мои слуги бестолковы; это сущее проклятие.

«В таком случае, почему гарпии не убили меня?» – подумал Макс.

Виниловые гарпии оторвали руку распластавшемуся на крыше мертвецу и бросили в хозяйскую топку. Языки пламени отражались в их глазах-объективах. Танат взглянул на Макса.

– Почему ты молчишь?

Макс подумал: «Нужно ответить хоть что-нибудь. Все, что угодно, лишь бы убраться отсюда подобру-поздорову».

– Я сделаю все, что ты просишь. Отпусти меня, и я приведу к тебе людей. Стану твоим этим, как его... эмиссаром.

Последовал новый дымный вздох.

– Ты лжешь. Мои опасения подтвердились. Ты лоялен. Должно быть, повинуешься инстинкту.

– Лоялен кому?

– Ты для меня открытая книга. Тебе виден лишь образ, который я для себя выбрал, а я вижу сквозь твоё обличье. Тебе не удастся нас обмануть. Ложь цветет внутри тебя, как ядовитая пурпурная орхидея. Ты не проведешь Лорда.

Он облизнул колючие губы пламенным языком.

«Мне конец, – решил Макс. – Меня скормят этому чудовищу!»

Была ли такая смерть глупой? Абсурдной? Не глупее, чем гибель от нервно-паралитического газа в траншее где-нибудь в далекой стране; не глупее, чем гибель дядюшки Дэнни в цистерне с люминесцентной розовой краской.

– Ты не умрешь, – сказал Танат, словно прочитав его мысли. – Мы сохраним тебя живым в состоянии стазиса. Ты навеки станешь нашим пленником.

То, что произошло следом, заставило Макса вспомнить слоган, что иногда писали на старых бомбардировщиках «Б-12» во Вторую мировую войну, – «Кара небесная». Нечто серебристое молниеносно спикировало вниз и атаковало двух гарпий, возившихся с трупом мужчины в белом костюме. От удара обе гарпии, переломанные и безжизненные, перелетели через край крыши и рухнули вниз.

Грифон притормозил, царапая когтями гудроновое покрытие, и пошел на второй круг. Уцелевшие гарпии взлетели, принимая бой.

Отовсюду – по большей части с севера – возникали новые диковинные фигуры. Среди них был мужчина, паривший в воздухе без крыльев. Он левитировал. Мужчина был похож на ангела, его кожа казалась ослепительно белой, белоснежной. На нем была набедренная повязка из материала, напоминающего фольгу. Голова создания была человеческой, обрамленной светлыми кудрями, но вместо глаз из черепа торчал миниатюрный телеэкран. Глаза оценивающе смотрели с экрана. За мужчиной прибыли еще два грифона, один позолоченный, другой никелевый, а за ними – женщина, летевшая, будто пушинка по ветру. Она была похожа на деву Марию, только обнаженную: пластмассовая Мадонна из того же материала, что надувные пляжные игрушки. Ее глянцевая фигура была раскрашена широкими полосами всех основных цветов. Она казалась бесплотной, словно мыльный пузырь, но одного ее удара хватило, чтобы виниловая гарпия кубарем покатила по крыше. Сопровождали женщину два вертолета... небольших, размером с лошадь. Нижняя часть вертолетов напоминала средневековых драконов в металлической непробиваемой чешуе. Их когтистые лапы заменяли шасси. Кабины были самыми обычными, но за стеклами не видно было пилотов. Расположенные под темными окнами разверстые зубастые рты извергали громкий, многократно усиленный динамиками хохот. Вертолеты-драконы принялись атаковать оставшихся гарпий, кроша лопастями виниловые крылья.

Танат прогудел приказ, и из горящего дверного проема за его спиной появилась семерка огромных, размером с грифов, летучих мышей с глазами-объективами, вращающимися электроножами вместо зубов и крыльями из тончайшего алюминия.

Мыши с пронзительным свистом пронеслись прямо над головой Макса и ринулись на «Матерь пластиковую». Макс распластался на крыше и закашлялся от дыма. Огонь в дверном проеме разгорался все сильнее.

За мышами появились два гигантских паука из высокопрочных полимеров, со жвалами из лучшей золингенской стали. Быстро перебирая медными механическими лапами, они бросились на ангела с телеэкраном вместо глаз. Снизившись, ангел жестом поманил к себе Макса.

Пауки вцепились ангелу в ноги и потащили вниз, вырывая куски кровавой плоти из его белоснежных рук.

Лорд Танат поймал за хвост пролетавшего мимо грифона и, шмякнув его о крышу, сдвигая раскаленными ручищами. Грифон заверещал и начал плавиться.

Пара стальных мышей протаранили вертолет-дракон и вместе с ним взорвались фонтаном голубых искр. Матерь пластиковая крушила алюминиевые ребра атакующих ее с громогласным «НЕМЕДЛЕННО» виниловых гарпий. Гарпии восторжествовали, когда она разорвалась – но тут же опешили и бросились врассыпную, когда ее фрагменты воссоединились прямо в воздухе.

Макс догадывался, что истинная битва шла в каком-то ином измерении, на субатомном уровне, и велась она с помощью куда более изощренного и тонкого оружия. Он видел лишь искаженный зрительный образ настоящего противостояния.

Пауки опутали ноги ангела оптоволоконной паутиной. Тот одним махом сбросил их с себя и снова завис в воздухе, крича Максусу:

– Убей себя! Ты...

– ЗАСТАВЬТЕ ЕГО УМОЛКНУТЬ! – прогремел Танат, указывая огненным пальцем на ангела.

Две гарпии мгновенно повиновались, пронзив когтями глотку ангела с телеэкраном вместо глаз. Они терзали его белоснежную шею, и лишь сдавленный, хриплый стон вырывался из горла ангела. Когда тот пал, Макс увидел, как из его рта вырвалось облако бирюзового фосфоресцирующего тумана, и не поверил своим глазам.

«Я вижу его плазменное тело, – подумал он. – У меня действительно особый дар!»

Он заметил, как фосфоресцирующее облако приняло смутные человеческие очертания и медленно переместилось к телу мертвого латиноамериканца. Остановившись, оно обволокло труп. Завладело им.

Без правой руки, без части лица, труп встал. Пошатываясь и вздрагивая, он произнес разорванными губами:

– Макс, убей себя и осво...

Танат бросился на качающийся труп и схватил его огненными пальцами за горло, сжигая горлань. Тело обмякло.

Макс выпрямился. Его сны возвращались – или кто-то намеренно посылал ему видения? Кто-то, способный общаться с помощью одних лишь мыслей. «Ты – один из Скрытых».

Битва больше не интересовала Таната. Он прорычал:

– Взять его! Связать и доставить в безопасное место!

Пауки неохотно отвлеклись от пожирания тела ангела с телеэкраном вместо глаз и поползли к Максусу. Макс вдруг почувствовал, что внутри него все затрепетало. Он шагнул вперед и опустился перед пауками на колени.

– Не смейте его ранить! – гремел Танат. – Не дайте ему...

Но было поздно. Макс обнял паука, прижав его к груди, будто родного, и перерезал себе горло острым, как бритва, паучьим жвалом. Он упал в конвульсиях, чувствуя одновременно невыразимо острую и тупую боль. Все вокруг стало серым. А потом все вокруг залил белый свет.

Он был мертв, но в то же время жив. Он стоял над собственным телом, освобожденный. Одним мановением руки он с помощью своей плазменной ауры погасил пламя в пристройке. Мгновенно.

Шум битвы стих. Сражающиеся остановились и разошлись. Они стояли, сидели или парили вокруг, наблюдая за ним в ожидании. Они знали его как принца Редмарка, спящего лорда плазмагномов, одного из семи Скрытых, много лет живущего среди людей в ожидании дня пробуждения. Того, кто должен был пробудиться в назначенный час, чтобы спасти народ от пожирания Танатом. И вот он пробудился, первый из Скрытых. Теперь он разбудит остальных, спрятанных, спящих в телах простых, неизвестных людей. В телах старух и стремящихся на покой солдат – а также в теле юной девочки с кожей цвета сепии, совсем рядом.

Вздвигнув, Танат приготовился к поединку воли. Макс – лорд Редмарк – окинул взглядом окружавшие его фигуры. Заставив себя смотреть сквозь наружный облик, глубже, он увидел в их движениях – мысль, в действиях – волю, в них самих – переплетение зыбких течений и спектральных волн. Он видел сквозь внешнюю оболочку Лорда Таната.

Девочка по имени Хэйзел Джонсон наблюдала за битвой с соседней крыши. Кроме нее сражения никто не видел; лишь перед ней противостояние разворачивалось как на ладони.

Хэйзел Джонсон было всего восемь лет, но она была уже достаточно взрослой, чтобы понимать – разыгравшаяся перед ней невероятная сцена должна ее пугать и заставить с криком броситься к маме. Но она уже видела ее во сне, а эта девочка всегда верила, что сны – реальные.

На ее глазах человек бросился на паука и умер; его тело засияло синеватым светом, после чего синее облако сформировалось в гигантскую осязаемую форму, нависшую над уродливым человеком с головой из колючей проволоки. Все летучие существа остановились, разглядывая незнакомца.

Хэйзел незнакомец напоминал астронавта, сюжет о возвращении которых с космической станции она видела по телевизору. На нем был похожий космический скафандр, а на рукаве даже был пришит американский флаг. Но незнакомец был больше любого астронавта, да и любого известного Хэйзел человека. Ростом он был, наверное, метра четыре. Теперь девочка заметила, что его шлем был не таким, как у астронавтов. Он был таким, какие носили в кино рыцари Круглого стола. Рыцарь в космическом скафандре протянул руку к человеку из раскаленного металла...

Лорд Редмарк чувствовал, что с крыши через дорогу за ним наблюдает кто-то из своих. Вероятно, то была Леди Дэй, спящая в теле крошечного человека, еще не знавшего, что она на самом деле вовсе не человек.

Протянув руку в латной рукавице, он сжал ее на колючей шее Лорда Таната (по крайней мере, так это выглядело для девочки с другой стороны улицы), не позволяя тому вырваться, даже несмотря на то, что рукавица начала плавиться от жара. Удерживая Таната, Редмарк открыл створку печи и сунул другую руку в полыхающее в груди врага пламя...

...И погасил его, как человек двумя пальцами тушит свечу.

Металлическое тело осталось стоять и остывать, навеки обездвиженное. Прихвостни Лорда Таната взмыли в небо, преследуемые Охранителями, с каждой секундой теряя телесность и становясь все менее различимыми. Битва перенеслась в другое пространство бытия.

Вскоре на крыше остались только два трупа, несколько мертвых гарпий, оболочка Таната и Лорд Редмарк.

Редмарк обернулся к девочке на крыше. Поднявшись в воздух, он подплыл к ней. Опустившись рядом, он снял шлем, под которым оказалась лишь сотканная из света улыбка. Он был прекрасен. Он сказал:

– Давай разыщем остальных.

Она кивнула, медленно начиная пробуждаться. Но та ее часть, что еще оставалась маленькой девочкой, ее человеческая оболочка, спросила:

– А мне тоже придется умереть, как и тебе?

– Нет. У меня не было выбора. У тебя он есть.

– Мне не нужно будет умирать?

– Не сейчас... – свет, что был улыбкой, стал еще ярче. – И никогда. Ты будешь жить вечно, моя Леди Дэй.

Торговля недвижимостью на Манхэттене никогда не обходится без приключений: на остров стремятся все, включая эльфов, волшебников, домовых, гоблинов и других сверхъестественных существ.

Наоми Новик

Выгодное предложение³

– Я не обижаюсь, – разочарованно сказал вампир, – мне просто надоело тратить время. Если жилищный кооператив не желает, чтобы я жил в этом доме, пусть так и скажут, без кри-вых улыбочек и намеков.

– Понимаю, это ужасно, – сказала Дженнифер. Разумеется, никто из председателей кооператива не осмелился бы так сказать – это было бы прямым нарушением закона о справедли-вом решении жилищных вопросов и грозило судебным иском. – А о загородном доме вы не думали?

– Конечно, ведь у меня, разумеется, открыт трастовый фонд с долгосрочным реинвести-рованием, – с иронией ответил вампир. – Мне всего пятьдесят четыре.

Выглядел он при этом не старше двадцати пяти – бледный, изящный, голодный. Типич-ный вампир, которому приходится недоедать. На свой кофе из «Старбакса» он смотрел едва ли не с отвращением. Дженнифер ничуть не удивлялась тому, что другие жильцы его избегали, и радовалась своей идее щедро посыпать съеденный за обедом кусок пиццы чесночной солью.

– Что ж, – задумалась она. – А как насчет Бруклина?

– Бруклина? – переспросил вампир таким тоном, словно ему предложили пляжный отдых во Флориде.

Вампиру потребовалось целых пять минут, чтобы одеться – натянуть пальто, перчатки, шляпу, вуаль, шарф и плащ. Зная, что вампиру предстоит поездка в час пик по линии Лексинг-тон-авеню, Дженнифер искренне ему посочувствовала. Она прошла пешком пять кварталов и вошла в офис Дуга, чтобы доложить об итогах встречи. В их агентство вампира перенапра-вил брокер из «Блэка, Томаса и Филлипса», после того как уже второй жилищный кооператив отказал ему в покупке жилья.

– Попробуй новостройки, где квартиры еще продает сам застройщик, – предложил Дуг. – Какой у него бюджет?

– Миллион двести, – ответила Дженнифер.

– И он хочет трехкомнатную? – опешил Дуг.

Скривившись, Дженнифер кивнула.

– Без шансов. Покажи ему двушки попросторнее, которые можно будет переделать в трешки, и попробуй соблазнить его дополнительными удобствами.

– Я тут подумала – может, потрясем владельцев того викторианского дома на Семьдесят шестой? Могу им написать.

– Держи это в уме, но я бы рассматривал тот дом лишь в качестве запасного варианта, – сказал Дуг. – Тамошним жильцам будет наплевать, что он вампир, но они вряд ли одобрят соседа, которому меньше сотни лет.

В дверь постучали. Следом из проема показалась голова Тома.

– Дуг, прости, что вмешиваюсь, но в два пятнадцать у тебя встреча с новым клиентом на углу Тридцать второй и Первой.

Здание было Дугу незнакомо; квартиры в нем сдавались в аренду, расположение было неудачным. Рядом проходил Мидтаунский туннель с оживленным движением, вид из окон был унылым, а консьержем оказался весьма злобный гоблин. Когда Дуг попросил проводить его в квартиру 6-Б, гоблин огрызнулся.

³ “Priced to Sell” © 2011 Temeraire LLC. First publication: *Naked City: Tales of Urban Fantasy*, ed. Ellen Datlow (St. Martin’s Griffin).

– Шесть-бэ?

– Да, – подтвердил Дуг.

– А ты... друг? – подозрительно спросил гоблин.

– У нас с хозяином назначена встреча, – как можно дипломатичнее объяснил Дуг. Многие квартиросъемщики не хотели ставить хозяев в известность о том, что планируют съезжать.

Гоблин потыкал ногой спящего под столиком в холле кота. Подняв голову, кот принялся и недовольно промурчал:

– Чего тебе от меня надо? Это простой агент по торговле недвижимостью.

– Агент? – гоблин заметно оживился и даже обрадовался. – Агент, а? Он что, съезжает?

– Сами спросите, – ответил Дуг. Радость гоблина была дурным знаком. Плохие рекомендации от прежнего арендодателя могли отпугнуть жилищные кооперативы похлеще вампиризма. Не то чтобы у него и прежде не было опасений насчет этого клиента – что мог забыть человек, располагающий тремя миллионами долларов, в такой дыре?

Мебель из «Икеи», который был обставлен весь дом, не добавила ему оптимизма.

– Деньги в трастовом фонде, – уверил его клиент, моргая близорукими глазами из-за толстых круглых очков. Генри Келл – так его звали – не был похож на человека, способного доставить неприятности гоблинам. Он был тощим коротышкой и говорил так тихо, что Дугу приходилось изо всех сил напрягать слух.

– Я не люблю тратиться и... ни в чем особенно не нуждаюсь, знаете ли. Вот только – как бы сказать – я решил, что нам пора обзавестись собственным жильем. Надеюсь, он со временем оценит мою инициативу.

– Так, значит, мы ищем жилье для вас и вашего... партнера? – предположил Дуг. – Может, стоило и его пригласить?

– Гм, – мистер Келл задумчиво снял очки и протер их тряпочкой. – Рано или поздно вам придется с ним встретиться, но я бы предпочел начать без него.

Келлу было не важно, в довоенный или послевоенный дом переезжать. Не заботил его и вид из окна.

– Однако мне хотелось бы, – уточнил он, – чтобы окна не выходили напрямую на окна соседнего здания.

Когда Дуг предложил сузить круг поисков по районам, Келл лишь развел руками.

– Ладно, – сдался Дуг, понимая, что ему придется хорошенько помучиться, прежде чем удастся получить хоть малейшее представление о предпочтениях Келла. – Вы свободны завтра? Я могу подобрать и показать вам несколько вариантов.

– Превосходно, – ответил Келл, и на следующее утро установил новый рекорд среди клиентов Дуга, осмотрев первую же квартиру за десять минут и сказав, что берет ее без торга.

Нельзя было сказать, что Дугу претила мысль заработать побольше за минимальное время, но он обязан был соблюсти формальности, требуемые от него профессией.

– Вы уверены, что не хотите сначала осмотреть и другие варианты? – спросил он. – Честно говоря, цена на эту квартиру несколько завышена. Ее выставили на продажу менее недели назад.

– Нет, – ответил Келл. – Вы знаете, мне бы хотелось управиться как можно скорее. Это чудесная квартира, и она прекрасно мне подходит.

Немногие бы с ним согласились. Квартира досталась нынешнему владельцу по наследству; в ванной и кухне никогда не производился ремонт, а прежний хозяин натворил немало преступлений против архитектуры, разместив повсюду встроенную мебель и технику. Однако нельзя было поспорить с тем, что квартира полностью отвечала требованиям Келла об уединенности. Окна трех комнат выходили на голые стены соседних зданий, еще одно – во двор, а из спальни виднелся уголок Риверсайд-парка. Несмотря на то что дом был многоквартирным, место здесь было тихое благодаря усилиям риверсайдских эльфов.

– Когда можно будет подписать договор? – спросил Келл.

– Я передам вашему нотариусу контактные данные нотариуса продавца, – сказал Дуг и позвонил Тому, чтобы отменить остальные просмотры, не переставая удивляться столь быстрому решению клиента.

– Ничего себе, – Том присвистнул, когда Дуг вошел в офис.

– Сам не ожидал, – ответил Дуг. – Быстрейшая сделка в жизни. Будет чем похвалиться перед коллегами. А как дела в Тюдор-сити?

Том мрачно покачал головой. Тюдор-сити был престижным местом – в выставленной на продажу квартире было две спальни, отдельная столовая, обновленная кухня, две ванны, выложенные плиткой «под кирпич», а из окон открывался вид на штаб-квартиру ООН. Цена тоже была вполне доступной для жилья такого класса – плати и въезжай. К несчастью, на рынок недвижимости эта квартира попала в результате бракоразводного процесса, и перед тем, как ее покинуть, прежние владельцы успели запомниться соседям постоянными перепалками, скандалами и даже драками.

Потенциальные покупатели редко добирались даже до спален. Они входили, заглядывали в огромный гардероб, заходили в гостиную, замечали на стене тучу огромных черных жуков и тут же выбегали оттуда, как ошпаренные – нередко с криками, хоть Дуг и заранее предупреждал их агентов. Но рынок недвижимости переживал не лучшие времена, и никому не хотелось упускать даже призрачный шанс на продажу.

Сегодняшняя потенциальная покупательница обошлась без криков – она была герпетологом, и Том, решив, что дело выгорит, даже представил жуков в качестве потенциального бесплатного корма для змей.

– Выяснилось, что змеи не едят жуков, – разочарованно заключил он.

– Что ж, не бывает худа без добра, и наоборот, – сказал Дуг. – Давай попробуем уговорить хозяев скинуться на дезинсектора. Печально, что такую квартиру не выходит продать даже по цене на пятьсот тысяч ниже рыночной.

Рынок недвижимости на Манхэттене всегда был непредсказуем. Все мечтали жить в черте города. Эльфы воевали с волшебниками с Уолл-стрит за таунхаусы Грамерси-парка и дома на Пятой авеню, застройщики пытались выселить домовых-брауни из заброшенных фабричных цехов в Гринич-виллидж, чтобы переоборудовать их в жилища для рок-звезд и рекламщиков, а студенты набивались по четверо в одну комнату с начинающими актерами и алхимиками.

Дугу удалось пережить темные времена начала девяностых, когда в течение семи лет рынок страдал от переизбытка предложений, и продать что-то было практически невозможно. Хуже всего было вести дела с бессмертными – если только жилищный кооператив не ограничивал сроки субаренды, добиться снижения цены от ракшасы или вампира было невозможно даже в условиях застоя. Ты всегда слышал одно: «Что ж, я потерплю еще лет десять и посмотрю, изменится ли что-нибудь». Но даже тогда Дугу нравилось искать новые вызовы и подбирать подходящих друг другу продавцов и покупателей, а уж теперь, когда он открыл офис в здании «Ричард Мерримэн Инкорпорейтед», обзавелся штатом сотрудников и мог больше не беспокоиться о бумажной волоките – и подавно.

Впрочем, прямо сейчас дела шли немного хуже, чем ему хотелось бы. На прошлой неделе шестимиллионная сделка с эксклюзивным клиентом (изначальная цена составляла семь миллионов сто тысяч) сорвалась уже после достижения предварительной договоренности. Вдобавок к этому, покупательница потеряла четверть своего состояния в финансовой пирамиде.

– Вы только представьте, – мрачно объяснила она по телефону после того, как сообщила, что сделка отменяется. – Они открыли счета для инвесторов-зомби, заплатили им из наших

денег, потом зомби развалились, и их счета перешли тем, кто их оживлял – а они, в свою очередь, оказались сотрудниками компании, хозяевами которой являются наши соучредители.

– Вы не можете получить даже часть денег? – спросил Дуг.

– Спросите лет через пять, когда я расплачусь с юристами, – ответила женщина.

Каждая продажа была вдвойне важна и давалась в десятки раз сложнее обычного. Дуг даже удивился, что «Блэк, Томас и Филлипс» просто так отпустили вампира, даже с учетом двух отказов.

Вспомнив об этом, Дуг решил обзвонить знакомых владельцев многоквартирных домов, но не успел он дотянуться до трубки, как телефон зазвонил.

– Что за клиента ты мне подсунил, черт тебя дери? – не тратя время на приветствия, воскликнула Рина Ласар – агент, занимавшийся продажей квартиры в Риверсайде.

– Ну блин, – только и смог ответить Дуг. – Что случилось? Келл решил пойти на попятную?

Поставив рекорд по самой быстрой продаже Дуг вовсе не хотел ставить другой рекорд, получив самый быстрый отказ.

– К сожалению, нет, – сказала Рина. – Я была бы рада, если бы он пошел на попятную. Нет, он где-то раздобыл номер хозяев, позвонил им и сказал, что его, цитирую, «пи-ип квартира – пи-ип кусок пи-ип, встроенная мебель – убожество, запах внутри как от мертвой бабки и – без шуток – никто в здравом уме не заплатит за эту рухлядь больше миллиона, и никаких торгов». Дочка хозяев позвонила мне вся в слезах.

– Ничего себе, – опешил Дуг.

– Если хочешь и дальше работать с моими эксклюзивными предложениями, сперва прислай мне заключение о платежеспособности покупателя, – сказала Рина, повесив трубку с такой силой, что Дуг скривился.

– Ой-ой-ой, – распричитался Генри Келл, когда Дуг перезвонил ему. – Полагаю, это значит, что сделка сорвалась?

– Сорвалась, мягко говоря, – сказал Дуг. – Мистер Келл, возможно, мне следует объяснить, раз вы прежде никогда не приобретали жилье, что договоренности нужно соблюдать...

– Что вы, что вы, разумеется, – поспешил оправдаться Келл. – Уверяю вас, я был настроен на покупку твердо и решительно. По всей видимости... ему что-то не понравилось, но я ума не приложу, почему...

– Вы имеете в виду вашего партнера? – уточнил Дуг. – Мистер Келл, если вы совершаете покупку в складчину...

– Во все нет, – ответил Келл. – Формально я единственный покупатель. Просто он иногда высказывает свое мнение, так или иначе.

Дуг почесал лоб и пробежал глазами по открытому на ноутбуке бухгалтерскому отчету. В этом не было необходимости – информацию по всем текущим сделкам он прекрасно помнил.

– Мистер Келл, я уверен, что мы сможем подобрать квартиру, которая устроит и вас, и вашего партнера, – сказал он. – Но сначала мне придется с ним переговорить.

– Ой-ой-ой, – вновь запричитал мистер Келл.

– Какая интересная деталь, вполне в стиле Кафки, – сказал искусствовед, разглядывая насекомых на стене.

– Уникальная, – согласился Том, стараясь не глядеть на стену.

Жуки лазали друг по другу, издавая низкий треск, который был слышен даже сквозь шум машин с Первой авеню, доносившийся из открытых настежь окон.

Агент покупателя спряталась в углу гостиной и поглядывала на своего клиента украдкой. Том мог ей лишь посочувствовать – что еще ему было делать?

– Мне нравится, – сказал искусствовед, выходя из кухни. – Есть что-то особенное в сочетании формального стиля классической уборной, витражных окон, деревянной облицовки и первобытной брутальности этого роя насекомых.

– О? – вырвалось у Тома. – Это... да, безусловно. Хочу отметить, что хозяева считают торг вполне уместным, – добавил он с робкой надеждой.

Искусствовед еще немного поразглядывал квартиру, но в конце концов покачал головой.

– Заманчиво, но все-таки нет. Квартира хороша, но вот расположение... Тюдор-сити, сами понимаете. Тесновато здесь. Не продохнуть. Все равно что жить в Верхнем Ист-Сайде. Однако передайте хозяевам, что у них отменное чувство стиля.

– Почему квартплата столь высока? – подозрительно спросил вампир, прочитав рекламный буклет квартиры в Бэттери-парке.

– Ну, – поначалу агент продавца задумался, но в итоге признался, что участок, на котором стоит здание, не принадлежит жилищному кооперативу, а снимается им, срок аренды истекает через пятнадцать лет и об условиях продления никто пока не задумывался. – Но наш управляющий – домовый, а на солнечной стороне прекрасная открытая веран... – он умолк на полуслове, заметив уничтожающий взгляд Дженнифер.

Дождавшись, пока разочарованный вампир оденется, Дженнифер сказала:

– Я подобрала несколько квартир в общественных многоквартирных домах, которые можно будет посмотреть на выходных.

– Не хочу жить в общественном доме, – буркнул вампир, обматывая голову шарфом. – Туда всякий сброд пускают.

Дженнифер открыла было рот, но не стала возражать.

– Хорошо, – сказала она спустя несколько секунд. – Значит, рассматриваем только кооперативы? Может, пришлете мне вашу последнюю заявку на проживание?

– У меня есть деньги! – вспыхнул вампир, сверкая красными глазами из-под шарфа.

– Не сомневаюсь! – поспешила успокоить его Дженнифер, делая вид, что вовсе не тянет руку к нательному крестик, что носила под блузкой. – Мне не нужны ваши финансовые гарантии, я просто подумала, что мы могли бы слегка... отшлифовать ваше резюме. Сделать его более привлекательным для домовладельцев.

– А, – успокоился вампир. – Хорошо. Попрошу агента все вам переслать. Хуже быть уже не может.

Оказалось, еще как может. Одно из трех рекомендательных писем было от матери вампира.

– Мне казалось, оно милое, – протестовал вампир. – Напоминает, что я все еще держу связь с моей прежней жизнью.

– Вашей матери девяносто шесть лет, и она живет в Аризоне, – заметила Дженнифер. – Когда вы навещали ее последний раз?

Вампир выглядел пристыженным.

– Я звоню ей каждый день, – пробормотал он.

Два других письма были от пуки – ну как не порадоваться, когда твоего соседа станет навещать такой друг, особенно в облике огнедышащего коня, – и от некроманта.

– Некромант – штатная сотрудница отдела по поиску утерянного имущества «Голдман Сакс», – объяснил вампир.

– Отлично. Просто замечательно, – сказала Дженнифер. – Пусть она перепишет письмо так, чтобы основной упор был сделан на это, а часть про некромантию опустит. А что касается пуки...

– Он владелец биотехнологической компании! – запротестовал вампир.

– Давайте лучше поищем кого-нибудь другого, кто мог бы дать вам рекомендацию, – твердо парировала Дженнифер.

В этот раз гоблин-консьерж впустил Дуга в дом без разговоров, и даже всячески старался лучезарно улыбаться – насколько на это был способен гоблин. Теперь становилось понятно, почему он так обрадовался, узнав о планах Келла и его чокнутого партнера съехать. Келл был дома один, и в толстом бесформенном свитере выглядел совсем поникшим и скукоженным. Впустив Дуга, он принялся нервно заламывать руки.

– Скажите, – промямлил он, – нет ли хоть крошечной возможности все-таки провести сделку? Я готов заплатить больше...

– Даже не мечтайте, – оборвал его Дуг. – Мистер Келл, вы так ничего и не поняли. Любые, гхм, необычные поступки вас или вашего партнера создают о вас впечатление ненадежных покупателей, и это отпугивает продавцов. Сделка купли-продажи может занимать до трех месяцев, и даже если вы готовы раскошелиться, от этого не будет ровным счетом никакой пользы, если в последний момент все сорвется.

– Ох, – сокрушенно вздохнул Келл.

– Если начистоту, то решение проблемы одно: найти квартиру, которая понравится вашему партнеру, – сказал Дуг. – Он здесь? Мне необходимо с ним встретиться.

Келл снова вздохнул и ответил:

– Минуточку.

Он открыл буфет и достал бутылку виски и стакан. Поставив их на стол, он налил виски в стакан.

Дугу доводилось встречать клиентов, которые совершали куда более странные поступки – Келл не был первым, кому захотелось выпить в присутствии риэлтора. Но Дуг невероятно удивился, когда Келл, вместо того, чтобы выпить самому, придвинул стакан ему.

– Спасибо, но...

– Я настаиваю, – сказал Келл. – Вам это понадобится.

Не успел Дуг возразить, как Келл рухнул на диван, схватившись за лицо и согнувшись в три погибели. С ним творилось что-то невообразимое – он будто увеличивался в размерах.

– Эээ... – вырвалось у Дуга, когда Келл отнял руки от лица.

Келл больше не был Келлом. Его глаза остались того же цвета, но налились кровью; лицо стало шире, нос сплющился, а челюсть выросла и казалась теперь вытесанной из камня. Шея толстела с каждой секундой.

– Твою мать, наконец-то! – воскликнул не-Келл, выпрямляясь. Диван угрожающе скрипел под его весом. – Значит это ты тот агент, что подсунул ему ту дыру?

Собравшись с мыслями, Дуг ответил:

– А вы?..

Перестав расти, не-Келл откашлялся и постучал себя кулаком в грудь. В него могли бы поместиться целых два Келла, и еще немного места осталось бы. Громко рыгнув, он улыбнулся – а точнее, оскалился ртом, полным ослепительно белых зубов, которых было чересчур много для обычного человека.

– Зовите меня Хайд.

– Ну ладно, – не сразу ответил Дуг. – А он, в таком случае?..

Хайд фыркнул.

– Именно. Этот заморыш сменил имя, когда мы поселились здесь. Стыдоба! – он указал на виски. – Пить будете?

Взглянув на стакан, Дуг отодвинул его.

– Что ж, мистер Хайд, – сказал он, – расскажите-ка мне, какая квартира вам нужна?

Дезинсектор отошел от покрытой жуками стены и медленно, мрачно покачал головой.

– Seriously? Ничего нельзя сделать? – разочарованно произнес Том.

– Извините, – сказал дезинсектор. – Эти ребята живут тут уже лет двадцать. Кто-то проклял это место, и они хорошо прижились. Вот это, – он махнул рукой в сторону жуков, – лишь верхушка айсберга. Я мог бы содрать с вас десять тысяч и избавиться от них, но через пару месяцев они вернулись бы снова. А может, появился бы кто похуже – многоножки какие-нибудь. Терпеть их не могу, – дезинсектора передернуло. – В любом случае избавиться от них не выйдет – разве что все здание снести.

Прервавшись и ненадолго задумавшись, он продолжил:

– А еще вы, конечно, можете попробовать уговорить хозяев помириться и въехать обратно. Вдруг поможет?

Том недоверчиво посмотрел на него.

– Они два года развестись не могут, постоянно выдвигая друг против друга новые иски.

Дезинсектор пожал плечами:

– А квартиру они хотят продать или нет?

Том вздохнул. Подумав, он сказал:

– Значит... постойте, вы говорите, что если попытаться снять проклятие, то может стать только хуже?

– Именно, – подтвердил дезинсектор.

– А если сделать не это, – предложил Том, – а кое-что другое?

– Что вы имеете в виду? – удивился дезинсектор.

Заявление вампира все равно выглядело неубедительно, особенно в сравнении с тем, которое Дженнифер редактировала днем. Она боялась сглазить, но, по ее мнению, с такими рекомендациями Мэй Шинагаве, будь она хоть трижды лисицей-оборотнем, было гарантировано место в Беркли, где существовало твердое правило – никаких собак и им подобных. Шесть рекомендательных писем, прекрасное финансовое положение – а вдобавок еще и по бумажному журавлику в подарок для каждого представителя жилищного кооператива. А вот на налоговой декларации вампира красовалось подозрительное красно-бурое пятно.

В довершение всего, после телефонного разговора с вампиром Дженнифер получила кричащее сообщение «ПЕРЕЗВОНИТЕ МНЕ!!!» от одного из прежних клиентов – женщины-юриста, купившей квартиру с панорамными окнами на двадцать четвертом этаже элитного дома, чтобы любоваться окрестными видами. Теперь рядом собирались начать новую стройку, и женщина буквально сходила с ума от бешенства.

– Если градостроительное бюро дало добро, то их уже не остановить, – извиняющимся тоном объяснила Дженнифер. Ей тоже было неприятно, но что она могла сделать? Это Манхэттен – стоит тебе построить большой дом, как рядом кто-нибудь построит еще больше.

– Церковь, на которую выходят мои окна – чертов памятник архитектуры! Он должен быть законодательно защищен от перестройки!

– Анджела, мне жаль. Они собираются сохранить основные элементы фасада, перестроив лишь внутреннюю часть и надстроив несколько этажей, – ответила Дженнифер. – Если хотите, могу подобрать вам новое жилье.

– Я еще за это до конца не рассчиталась, на что мне покупать новое?! Сейчас никто в здравом уме не выложит два миллиона за однокомнатную квартиру с видом на кирпичную стену в ангелочках, или что там они собираются на нее наклеить! – возмущалась Анджела. – Никто, понимаете?! Господи, ну какой черт меня дернул купить квартиру в разгар жилищного бума? Я же предчувствовала!

Разумеется, она не могла ничего предчувствовать. Никто не мог – иначе не случилось бы этого самого бума. Дженнифер без большого энтузиазма успокаивала Анджелу, одновременно

проверяя резюме лисицы-оборотня. В конце концов она и вовсе отложила трубку, но, подумав, подняла ее снова и спросила:

– Анджела, не могли бы вы прислать мне по электронной почте фотографию церковного фасада?

– Я хочу гранитные столешницы! – заявил Хайд. – Гранитные, мать их, столешницы! Никакого пластикового дерьма!

– Хорошо, – кивнул Дуг, добавляя это пожелание в список, где уже присутствовали высокие потолки, морозильник, центральный кондиционер и деревянные полы. Ничего себе запросы. – Есть у вас пожелания по району?

– Конечно. Я хочу что-нибудь поживее, поактивнее, чтоб его, понимаете? – сказал Хайд. – Каким местом он думал, выбирая Риверсайд-парк? Жить рядом с кучей эльфов, каждое утро воспевающих славу солнцу? Издеваетесь? Да будь моя воля, я б их всех из ружья перестрелял!

– Не лучшая идея, – заметил Дуг.

– Зато веселая, – тоскливо ответил Хайд.

– Ладно, – Дуг решил сменить тему. – Вы можете мне сказать, чего хочет ваш... то есть, чего хочет мистер Келл? Он не слишком-то охотно высказывал свои пожелания.

– Этот говнюк хочет жить в норе, где сможет целыми днями спокойно читать книжки, – ответил Хайд. – Вы посмотрите на это, – он указал на стеллажи из ДСП, заваленные книгами в твердом переплете. – Кругом этот хлам из «Икеи»! Боже, а если б вы только знали, что тут было до них! Чертовы встроенные шкафы, да еще и фиолетовые! Я их все кувалдой расфигачил.

Бросив еще один испепеляющий взгляд на стеллажи, Хайд поднялся с дивана и подошел к ним, то сжимая, то разжимая кулаки, словно раздумывая, сможет ли терпеть их еще хотя бы минуту.

– Знаете, – поспешно сказал Дуг, – а у меня есть на примете место, которое может вам подойти...

Хайд замер, не дойдя полшага до стеллажей.

– Правда? Так чего мы ждем, поехали смотреть!

– Я не уверен, смогу ли прямо сейчас связаться с агентом продавца, – попытался отговориться Дуг.

– Ну так хоть с улицы глянем, – сказал Хайд.

Вампир перезвонил спустя несколько секунд после того как Дженнифер переслала ему письмо от Анджелы.

– Что это, черт возьми, было?! – возопил он. – Я чуть айфон в канаву не уронил!

– Правда? – удивилась Дженнифер. – Это фото на вас так подействовало?

– Там же была чертова уйма крестов!

– Отлично, – сказала Дженнифер. – Можете встретиться со мной через полчаса на перекрестке Семьдесят пятой и Третьей?

Просто так посадить Хайда в такси не получилось – пришлось пятнадцать минут ждать пустой мини-вэн. Дугу это оказалось только на руку: за это время он успел списаться с Томом и попросить того разыскать нужного агента. Дуг опасался, что иначе Хайд, которому не терпелось увидеть квартиру, мог бы просто выбить дверь ногой, чтобы попасть внутрь.

Агент позвонил, когда они уже ехали в Даунтаун.

– Хочу, чтобы вы понимали... – начал агент.

– Да-да, я в курсе, – перебил его Дуг. – Но внутри все новое, так?

– Новехонькое, – ответил агент. – Дизайнерский ремонт.

Они остановились у кладбища Марбл. У железной ограды печального вида призрак наблюдал, как Хайд вывалился из такси, едва не перевернув машину. Хайд с призраком переглянулись.

– Чего надо, Каспер? – грозно спросил Хайд, и привидение поспешно ретировалось.

– Значит, так: до Боуэри отсюда пара кварталов, а на соседней улице – байкерский клуб «Ангелы ада», – начал рассказывать Дуг, ведя Хайда к таунхаусу.

– Выглядит тесновато, – проворчал Хайд, наклоняясь, чтобы протиснуться в дверной проем. Однако потолки внутри оказались десятифутовой высоты. Хайд осторожно попробовал пол ногой. – Это что?

– Паркет, – робко ответил агент, глядя на Хайда как кролик на удава.

– Давайте пройдем на кухню, – воодушевляюще предложил Дуг. – Документы у вас с собой?

– Да, конечно, – промямлил агент, по-прежнему не сводя глаз с Хайда. – Вот, прошу... сюда...

– Так, вот это уже, блин, неплохо, – довольным тоном произнес Хайд, входя на кухню.

На стене висела магнитная доска с пятью поварскими ножами. Хайд взял тесак и принялся подбрасывать его, пока агент вертелся вокруг, нахваливая немецкую бытовую технику.

– А еще здесь гранитные столешницы, как вы просили, – добавил Дуг.

– Ладно, пойдем ванную посмотрим, – кивнул Хайд, не выпуская из рук тесак.

В ванной на втором этаже оказалось огромное джакузи. За окном кружил еще один призрак, поменьше прежнего, таращась грустными пустыми глазами, выражавшими исключительную безысходность и все ужасы загробного мира.

– Вали отсюда! – рявкнул Хайд, и призрак исчез.

– На третьем этаже потолок, гхм, пониже, – запинаясь, сказал агент, когда они вернулись к лестнице. – Я не уверен, что...

– Пускай мистер Келл взглянет? – предложил Дуг Хайду. – Если, конечно, все остальное вам понравилось.

Хайд огляделся и сказал:

– Да, мне здесь по душе. Только не позволяйте этому говнюку торговаться! – ухмыльнулся он зубастым ртом, вконец перепугав агента. – Финансовой стороной я займусь сам.

– Договорились, – сказал Дуг, и Хайд тут же съезжился. На его месте оказался Келл, запутавшийся в слишком большой одежде.

Неуверенно осмотревшись, он произнес:

– Ну... не знаю. Передние окна выходят прямо на улицу, люди станут заглядывать...

– Давайте-ка поднимемся наверх, – перебил его Дуг, подталкивая к лестнице на третий этаж.

На полпути Келл остановился, издали заметив встроенные книжные шкафы.

– О, как мило, – выдохнул он.

– А окна здесь выходят на кладбище, – сказал Дуг. – Одно лишь неудобство, – добавил он, и Келл с любопытством взглянул на него. – Мистер Хайд не сможет сюда подниматься.

– О, – только и смог произнести Келл. – О!

Выйдя из дома, Дуг с агентом пожали друг другу руки.

– Можно будет пригласить вас позднее? – спросил Дуг.

– Гм, – замылся агент, – конечно. Только не могли бы вы... не давать мой номер...

– Не волнуйтесь, – сказал Дуг, – я с радостью выступлю в роли посредника.

Агент вздохнул с облегчением.

– С продавцом можно поторговаться, – сказал он, оглядываясь на кладбище.

Там садовник активно поливал торчащую из могилы тощую руку какого-то зомби.

– А кем работает продавец? – спросил Дуг.

– Банкир, – ответил агент.

Отвезя Келла домой, Дуг взял такси, чтобы вернуться в офис. Там его встретил сияющий Том, с триумфальным видом попивавший кофе.

– Что празднуем? – удивился Дуг.

– Нужно заказать новую фотосъемку для квартиры в Тюдор-сити, – сказал Том и показал короткий видеоролик с телефона.

Дуг присмотрелся. Стена по-прежнему шевелилась, но...

– Это что, бабочки? – удивилась Дженнифер.

– Двадцати трех разновидностей, некоторые – под угрозой исчезновения, – ответил Том. – Пришлось покопаться в каталоге с экспозиции Музея естественной истории.

– Ничего себе, – сказал Дуг. – Том, тут одними новыми фотографиями не отделаешься, нужно весь лот менять.

Они чокнулись чашками, и Дженнифер засобиралась на улицу. Натягивая пальто, она сказала:

– Поеду в Хантер-колледж. Там будут обсуждать судьбу стройки рядом с Ориксом.

– Анджела все никак не угомонится? – спросил Дуг. – Может, мне с ней поговорить? Мы ведь объясняли ей, что вид из окна никоим образом не застрахован...

– Не волнуйся, – на ходу ответила Дженнифер. – Жильцы уже готовят коллективный протест. Первоначальные хозяева дома продают квартиру на тринадцатом этаже вампиру. Окна этой квартиры выходят на ту же сторону, так что подрядчик, занимающийся обновлением церкви, обязан будет сделать ее ниже, чтобы не нарушить закон о справедливом решении жилищных вопросов.

У самого порога Дженнифер остановили два оглушительных удара в дверь. Оглянувшись на Дуга и Тома, она осторожно открыла.

Снаружи в фойе стоял огромный конь, пуская дым из пылающих ноздрей. Глаза коня горели, будто раскаленные угли. От удара копытом по двери во все стороны разлетелись щепки. Из соседних офисов высунулись головы любопытных зевак.

– Привет, – сказал пука. – Марвин мне вас рекомендовал.

– Какой еще Марвин? – едва выдохнул Том.

– Вампир, – объяснила Дженнифер.

Пука кивнул и встряхнул гривой.

– Я ищу квартиру.

Троица агентов задумалась. Наконец Дженнифер предложила:

– Цокольный этаж подойдет?

– У меня есть на примете квартира в доме с грузовым лифтом, в Атлантике... – сказал Том.

Дуг внимательно взглянул на мощные копыта. Квартиры с деревянными и паркетными полами отпадали. А вот мраморная плитка могла подойти. Он взглянул на пуку.

– Как насчет Трамп-билдинг?

В одном из неблагополучных районов Нью-Йорка есть крошечное царство с весьма необычным правителем.

Элизабет Бир

Ужас крыльев величавых⁴

«Кстати о печени, – ответила Она. – Настоящий маг не предлагает чужую печень. Ты должна вырвать свою собственную и научиться обходиться без нее. Настоящие ведьмы это знают».

Питер Бигл, «Последний единорог»⁵

Мама не знает о гарпии.

Вообще-то Элис мне не родная мама, приемная. Она ни капли на меня не похожа. А может, это я не похожа на нее. Мама Элис пухленькая, мягкая, кожа у нее как у сливы – темная и блестящая, словно покрытая глазурью. Кажется, проведешь по ней пальцем – и сотрешь. А у меня кожа желтушная, хоть мама Элис и говорит, что оливковая. Еще у меня прямые черные волосы, кривые зубы, а подбородка вообще нет. Впрочем, это не беда – я давно решила, что никому никогда даже в голову не придет меня поцеловать.

А еще у меня липодистрофия – так доктор зовет жировой горб на шее и над лопатками, который вырос у меня от антиретровирусных препаратов. Моя попа, бедра и щеки висят, как у старой бабули, а лицо похоже на бульдожью морду, хотя все зубы у меня на месте.

До поры до времени. В этом году, пока у меня еще есть льготы, мне нужно будет удалить зубы мудрости. После того, как мне исполнится восемнадцать, я эти льготы потеряю, и если с зубами начнутся проблемы – то пиши пропало.

Денег на их лечение мне в жизни не сыскать.

Гарпия живет в переулке за домом, где стоят мусорные контейнеры и ночуют бомжи-алкоголики.

Я навещаю ее утром перед школой, после того, как позавтракаю и приму таблетки (невирапин, ламивудин, эфавиренз). К таблеткам я давно привыкла. Принимаю их всю жизнь. В моей школьной анкете стоит специальная пометка, и благодаря этому у меня есть отговорка на любой случай.

Друзей я домой не привожу.

Ложь – это грех. Но отец Альваро считает, что моя болезнь – достаточное наказание за любые грехи. Отец Альваро классный, но не настолько, как гарпия.

Гарпию не волнует, что я некрасивая. Она сама не то что не красавица, а самая настоящая уродина – страшная, как прыщавая задница. Зубы у нее кривые, желтые и черные. Когти поломанные, тупые, и воняют тухлой курицей. Лицо вытянутое, обвисшее, покрытое пятнами и морщинами, как у того рокера, папаши Лив Тайлер. Волосы болтаются черно-рыжими космами, свисая до покрытых перьями плеч. Перья у нее черные, но тусклые, особенно в пасмурную погоду. Однако если в вонючий переулок пробиваются солнечные лучи, отражаясь от грязных окон, то перья приобретают бронзовый отлив.

Они и в самом деле из бронзы.

Если дотронуться, можно почувствовать пальцами теплый металл.

⁴ “The Horrid Glory of Its Wings” © 2010 Elizabeth Bear. First publication: *Tor.com*, 8 December 2009.

⁵ Пер. Ю. Р. Соколова – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

Еду для гарпии я не таскаю. Мама Элис следит за нашими запасами – денег-то у нас мало, – да и сама гарпия совершенно спокойно питается отбросами. Чем гаже, тем лучше: она ест кофейную гущу, заплесневелые пироги, кишашее личинками мясо, дохлых помоечных крыс.

Гарпия любую дрянь превращает в бронзу.

Гарпия ест все, что воняет. Вытягивает по-птичьи длинную красную шею, и заглатывает кусок за куском своим широченным ведьминым ртом. Я как-то видела голубей, которые точно так же глотали слишком крупные куски хлеба. С одной разницей – у голубей шеи не голые, и не оторочены снизу белым пухом, как платья для миропомазания.

Поэтому по утрам я притворяюсь, что иду в школу пораньше – мама Элис всегда говорит: «Дезири, поцелуй меня в щечку!» – и как только оказываюсь вне зоны видимости, то прокрадываюсь в переулочек и подхожу к мусорному контейнеру, на котором гнездится гарпия. У меня лишь десять-пятнадцать свободных минут, не больше. Я морщусь от вони. Присесть здесь негде, да если б и было где, в школьной форме лучше этого не делать.

Мне кажется, что гарпии нравится компания. Она ей не нужна – думаю, что гарпии вообще ничего особенно не нужно, – но, по-моему, ей нравлюсь я.

Гарпия говорит «ты мне нужна».

Не уверена, что мне нравится гарпия, но мне безусловно нравится быть кому-то нужной.

Гарпия рассказывает мне истории.

Мама Элис тоже когда-то рассказывала, когда не слишком уставала от работы и от забот со мной, Луисом и Ритой. Потом Рита умерла.

Но истории гарпии куда интереснее. Она рассказывает о волшебстве, о героях и нимфах. О похождениях дев-богинь вроде Афины и Артемиды, об их волшебных приключениях, о том, как Афина обхитрила Посейдона, чтобы в ее честь назвали город. О западном ветре Зефире и о его сыновьях, волшебных говорящих конях. Она рассказывает об Аиде, боге Подземного царства, и о своей матери Келено – тоже гарпии, ужасной и свирепой. Когда гарпия рассказывает о ней, перья на ее крыльях звенят от счастья, словно бронзовые колокольчики.

Она рассказывает о своих сестрах, названных в честь могучей бури, и о том, как небо темнело и разражалось грозой, когда они втроем отправлялись в полет. Да, именно так она и сказала – «разражалось грозой».

Гарпия говорит «мы все одиноки».

На часах полседьмого утра, и я кутаюсь в новое зимнее пальто, полученное на бесплатной раздаче в пожарной охране. Облачка пара вырываются над связанным мне мамой Элис кусачим оранжевым шарфом. Я скрещиваю ноги, левую под правую, словно хочу в туалет, потому что, когда твоя юбка едва доходит до колен, от холода не спасают даже леггинсы. Я бы постучала ногой о ногу, чтобы согреться, но эти леггинсы у меня последние, и я не хочу их порвать.

Когда я наклоняю голову, шарф царапает верхнюю губу. За мусорным контейнером темно. До рассвета еще полчаса. Впереди на улице видны круги света от фонарей, но в них не заметно ничего теплого – лишь темный колкий снег, убранный в кучу и утрамбованный у поребрика.

– Я никому не нужна, – говорю я. – Мама Элис получает деньги за то, что заботится обо мне.

Мои слова несправедливы – мама Элис вовсе не обязана была брать опеку надо мной и моим сводным братом Луисом. Но иногда быть несправедливой приятно. Я принохиваюсь к водостоку и задираю подбородок, притворяясь, что глотаю мусор, как делает гарпия.

– Никому не приятно со мной жить. Но выбора нет. Я такая как есть.

– Выбор есть всегда, – возражает гарпия.

– Верно, – отвечаю я, – но самоубийство – грех.

– А общаться с гарпиями – не грех? – парирует гарпия.

– Не знаю. Разве что ты сам дьявол...

Гарпия пожимает плечами. Ее перья пахнут плесенью. Что-то блестящее и липкое ползет по ее спутанным волосам. Гарпия хватает это когтями и отправляет в рот.

– Я нечестивая тварь, – говорит она. – Как Келено и ее сестры, Аэлла и Окипета. Сестры бури. Твоя церковь, наверное, назовет меня демоном. Да, пожалуй.

– Ты недооцениваешь отца Альваро.

– Я не доверяю священнослужителям, – отвечает гарпия и принимается чистить сломанные когти.

– Ты никому не доверяешь.

– Этого я не говорила, – отвечает гарпия.

Перебивать гарпий – не самая лучшая идея, но в тот момент я об этом забываю.

– Я давно решила никогда никому не доверять. Моя кровная мать кому-то доверилась, и что из этого получилось? Сначала она залетела, потом родила меня и умерла.

– Как бесчеловечно, – говорит гарпия, и для меня это комплимент.

Я дотрагиваюсь до теплого крыла гарпии, но не чувствую тепла через рукавицу. Рукавицы тоже достались мне от пожарных.

– Гарпия, мне пора в школу.

– Там ты тоже одинока, – говорит гарпия.

Мне хочется доказать ее неправоту.

Лекарства сейчас хорошие. Когда я родилась, четверть детей, чьи матери были больны СПИДом, тоже оказывались инфицированы. Теперь это случается один раз из ста. У меня может быть собственный, здоровый ребенок, и тогда я больше не буду одинока.

Что бы ни утверждала гарпия.

Идея, конечно, дурацкая. Когда мне исполнится восемнадцать, мама Элис не будет больше обязана ухаживать за мной. Что я буду делать с ребенком? Мне придется найти работу, добиться от государства пособия на лекарства. Они ведь дорогие.

Если забеременеть сейчас, то ребенок родится до того, как мне будет восемнадцать. Рядом со мной будет кто-то, кого мне не придется ни с кем делить. Кто-то, кто будет меня любить. Насколько легко забеременеть? У других девушек это нередко выходит случайно.

Или «случайно».

Проблема в том, что я не смогу скрыть от потенциального отца ребенка, что я ВИЧ-положительна. Поэтому я дала клятву хранить невинность – чтобы не быть вынужденной об этом рассказывать.

Клятва была самой настоящей, мне даже дали символическое кольцо.

Интересно, сколько девушек действительно сдержали эту клятву? Я честно собиралась ее хранить. Не только до брака, а всю жизнь. Чтобы ничего никому не рассказывать.

Я не считаю, что совершила ошибку. Тогда это казалось правильным. Я думала, что лучше всю жизнь быть одинокой, чем что-то объяснять. К тому же рожать ребенка нужно ради самого ребенка, а не ради себя.

Верно, мама?

У гарпии есть свое царство. Маленькое царство, занимающее переулок за моим домом, но у нее есть и трон (мусорный контейнер), и подчиненные (бомжи). И я. Я знаю, что бомжи

тоже видят гарпию, и порой даже с ней говорят. Но гарпия прячется от других жильцов дома и мусорщиков.

Интересно, умеют ли гарпии летать?

Она расправляет крылья во время дождя, чтобы смыть с них грязь, и когда злится. Если она злится, то шипит – и этот звук я слышу, в отличие от ее слов, что звучат прямо в моей голове.

Подозреваю, что если гарпия волшебная, то летать она может. Моя бывшая учительница биологии, мисс Ривера, говорила, что некоторые существа, достигшие определенного размера, становятся неспособны поднимать себя в воздух с помощью крыльев. А некоторые крупные животные могут лишь парить, пользуясь воздушными потоками при встречном ветре.

Прежде я об этом не задумывалась. Вдруг гарпия не в состоянии улететь, но чувство собственного достоинства не позволяет ей попросить о помощи?

Может, спросить при случае, не нужна ли ей помощь?

Гарпия большая. Но кондоры тоже большие, и могут летать. Не могу сказать, кто больше – гарпия или кондор. По картинкам сложно судить, а уж измерить гарпию рулеткой, чтобы выяснить размах ее крыльев, и вовсе невозможно.

Можно, конечно, ее попросить, но я этого делать не стану.

Наверное, ужасно иметь крылья, которые не работают. А иметь крылья, которые работают, но быть неспособным ими воспользоваться, наверняка и того хуже.

Иногда после школы я работаю. Вечером я снова навещаю гарпию и возвращаюсь в квартиру. Когда я захожу в кухню, то вижу маму Элис за столом. Перед ней какие-то письма. Она замечает меня и хмурится. Я закрываю дверь на замок и цепочку. Луис должен быть дома, я слышу, как из его комнаты доносится музыка. Ему пятнадцать. По-моему, я не видела его уже три дня.

Я подхожу и, не снимая рабочей униформы, сажусь на железный стул с потрепанной виниловой обивкой.

– Плохие новости?

Мама Элис качает головой, но в ее глазах я вижу слезы. Я беру ее за руку. Сложенный вдвое лист бумаги шуршит в ее пальцах.

– Тогда в чем дело?

Она показывает мне бумагу.

– Дезири, тебе дают грант на обучение.

Я не верю своим ушам. Тупо смотрю то на маму Элис, то на наши руки, то на листок бумаги. Мама Элис сует письмо мне в руку, я разворачиваю его и трижды перечитываю, опасаясь, что слова расползутся червями и изменятся, стоит мне только отвернуться.

Слова и правда похожи на червей, буквы расплывчаты, но я вижу слова «усердие», «высокая оценка» и «государственный». Я осторожно складываю листок, разглаживая пальцами смятые уголки. Эта бумага дает мне возможность стать кем угодно.

Я буду учиться в государственном колледже бесплатно.

Я пойду в колледж, потому что прилежно училась. Ну и потому, что власти знают, что я ходячая зараза, и им меня жалко.

Гарпия никогда меня не обманывает. Мама Элис – тоже.

Вечером она заходит ко мне в комнату и садится на край кровати – на самом деле раскладного дивана с торчащими пружинами, но этот диван мой и спать на нем лучше, чем на полу. Прежде чем мама Элис включает свет, я успеваю спрятать письмо под подушку, чтобы она не заметила, что я сплю с ним в обнимку.

– Дезири, – говорит она.

Я киваю и жду продолжения.

– Возможно, я смогу добиться субсидии на липосакцию. Доктор Моралес сказал, что это необходимо.

– Липосакция? – я хватаю с прикроватного столика свои уродливые пластмассовые очки, чтобы лучше видеть маму Элис, и хмурюсь так, что прищемляю ими нос.

– Чтобы убрать горб, – отвечает она, дотрагиваясь до шеи, как будто у нее самой такой же горб. – Чтобы ты снова могла держаться прямо, как когда была маленькой.

Я тут же жалею, что надела очки, потому что замечаю, что мои пальцы измазаны чернилами от письма.

– Мама Элис, – говорю я, но с языка срывается совсем не тот вопрос, что я хотела задать. – Почему ты до сих пор меня не удочерила?

Она вздрагивает, словно я ткнула в нее вилкой.

– Потому что я думала... – она запинаясь, мотает головой и разводит руками.

Я киваю. Мне и так известен ответ. Потому что мои лекарства оплачивает государство. Потому что она думала, что я столько не проживу.

Мы все не должны были прожить так долго. Все инфицированные дети. Два года, может, пять. СПИД убивает детей быстро, потому что их иммунная система еще недоразвита. Но лекарства стали лучше, и мы стали жить дольше. Теперь мы можем жить хоть вечно... Почти вечно. Сорок лет, пятьдесят.

Я все равно умираю, только медленно. Если бы процесс шел быстрее, мне не о чем было бы беспокоиться. А так мне приходится раздумывать о том, как жить дальше и чем заниматься в будущем.

Я дотрагиваюсь пальцами до мягкого жирового купола на шее и жму на него, пока он не проминается. Мне кажется, что на нем должны оставаться вмятины от пальцев, как на пластине, но когда я отнимаю руку, горб как ни в чем не бывало принимает прежнюю форму.

Мне не хочется идти в колледж лишь потому, что кто-то меня пожалел. Жалость мне не нужна.

На следующий день я иду поговорить с гарпией. Встаю рано, быстро умываюсь, натягиваю леггинсы, юбку, блузку и свитер. Сегодня после школы мне не нужно на работу, поэтому я оставляю униформу на вешалке за дверью.

Стоит мне выйти, как я слышу собачий лай. Громкий лай множества собак, доносящийся из переулка. И шипение. Так, словно самая большая и злая кошка, может шипеть только гарпия.

Кругом валяется мусор и хлам, но нет ничего, что можно использовать в драке. Я хватаю несколько кусков льда. Мои школьные ботинки скользят на заледеневшем асфальте, и я падаю. Леггинсы рвутся.

В переулке темно, но мрак не крошечный, а городской. Мне хорошо видно собак. Их три, они подпрыгивают на задних ногах, стремясь забраться в мусорный контейнер. Одна псина светлая, на ее шкуре отчетливо видны следы былых драк. Две другие – темные.

Гарпия склоняется с края контейнера, расправив крылья, будто мультяшная орлица, и пытается клевать собак.

Глупое создание не понимает, что без клюва это вряд ли получится. Я швыряю ледяной осколок в светлую собаку, самую крупную из трех. Она скулит. И тут гарпия изливает на собак поток рвоты. На всех трех сразу.

Боже, какая вонь!

Полагаю, что в конечном итоге клюв гарпии не нужен. Собаки мгновенно перестают рычать и скалиться, и убегают, скуля и поджав хвосты. Я скидываю с плеча рюкзак и хватаю за одну лямку рукой, в которой нет льда.

Рюкзак тяжелый, им можно больно ударить, но я не успеваю стукнуть собаку прежде, чем та на полном ходу врзается в меня. Рвота гарпии попадает мне на ногу, и жжется как кипяток даже сквозь леггинсы. Я едва удерживаюсь, чтобы не схватиться за место ожога. Измазать в рвоте еще и рукавицу, а заодно обжечь руку – просто отличная идея. Вместо этого я принимаюсь тереть обожженное место грязным куском льда, одновременно ковыляя к гарпии.

Услышав мои шаги, гарпия шипит, таращась на меня горящими, будто зеленые факелы, глазами. Узнав меня, она успокаивается. Складывает крылья – аккуратно, словно монашка, поправляющая юбки прежде чем сесть на скамейку – и обращает на меня уже привычный тусклый взгляд.

– Потри ногу снегом, – говорит гарпия. – Или хорошенько промой водой. Жжение должно ослабнуть.

– Это же кислота!

– Учитывая, что мы едим, – отвечает гарпия, – чем еще, по-твоему, это могло быть?

Мне не хватает находчивости, чтобы придумать умный ответ, и вместо этого я спрашиваю:

– Ты можешь летать?

Вместо ответа гарпия вновь расправляет бронзовые крылья. Их размах – от одного края контейнера до другого, и даже чуть больше.

– По-твоему, с такими крыльями летать невозможно? – спрашивает гарпия.

И почему она всегда отвечает вопросами на вопросы? Так обычно делают маленькие дети, и меня это бесит.

– Вовсе нет, – говорю я. – Но я ни разу не видела тебя в полете. Ни разу.

Гарпия осторожно складывает крылья.

– В моем царстве нет ветра. Но сейчас я легка, я пуста. Если бы ветер поднялся, если бы я могла забраться выше...

Я опускаю рюкзак у мусорного контейнера. На него тоже попала рвота гарпии, и надевать его я не собираюсь.

– А если я тебя подниму?

Крылья гарпии едва заметно вздрагивают, словно она опять хочет их расправить. Но она отступает и щурится, подозрительно улыбаясь мне кривоzubым ртом.

– А что тебе с этого?

– Мы же подруги, – отвечаю я.

Гарпия смотрит на меня прямо, по-человечески, а не по-птичьи. Она долго молчит, и мне начинает казаться, что она хочет, чтобы я ушла, но за мгновение до того, как я уже готова развернуться и зашагать прочь, она кивает.

– Отнеси меня на пожарную лестницу, – говорит гарпия.

Я забираюсь на мусорный контейнер и взваливаю гарпию на плечи, чтобы отнести на пожарную лестницу. Гарпия тяжелая, спору нет, особенно когда я поднимаю ее над головой, чтобы перебраться через перила. Чтобы ухватиться за лестницу, мне приходится подпрыгнуть и раскачаться, как на трапедии на уроке физкультуры.

Леггинсам конец. Нужно будет придумать разумное оправдание для мамы Элис. Что-нибудь, что не будет откровенной ложью.

Наконец мы добираемся до платформы. Я приседаю, и тяжелая, вонючая гарпия выпрямляется, цепляясь за мои плечи поломанными, грязными когтями. Даже думать не хочу, чем она может меня заразить, если поцарапает. Здравствуй больница, капельница, антибиотики и прочие приятные вещи. Но гарпии удается балансировать на мне так, словно она всю жизнь этим занималась, и ее большие чешуйчатые пальцы проминают жировую прослойку, не пронзая кожу.

Я хватаюсь обеими руками и подтягиваюсь к пожарному выходу. Это тяжело, даже несмотря на то, что мой рюкзак остался внизу. Гарпия весит значительно больше рюкзака и, кажется, с каждым шагом становится все тяжелее. Моя задача усложняется тем, что мне приходится балансировать на цыпочках, чтобы не перебудить весь дом.

После каждого пролета я останавливаюсь перевести дух, но, когда мы добираемся до верха, мои лодыжки трясутся, как выхлопные трубы у «харлей-дэвидсона». Я представляю, что и шума от меня столько же, и смеюсь. То есть, тихо хихикаю – смеяться в полный голос нет сил. Я переваливаюсь через последние перила, и гарпия спрыгивает.

– Достаточно высоко?

Гарпия даже не смотрит на меня. Она глядит на темную, пустынную улицу, и расправляет крылья. Гарпия права: я одинока. Всегда была и всегда буду одинока.

Теперь и она меня покинет.

– Я умираю! – кричу я, когда гарпия срывается с площадки.

Я никогда никому этого не говорила. Мама Элис рассказала мне, когда мне было пять, но с тех пор я никому этого не говорила.

Гарпия устремляется вперед, сильно хлопает крыльями, и возвращается на площадку, усаживаясь на перила. Она вытягивает кривую шею и склоняет голову, уставившись на меня.

– У меня ВИЧ, – говорю я, прикладывая руку к тому месту на теле, где остался шрам от гастростомической трубки. Этот шрам у меня с раннего детства.

Гарпия кивает и снова отворачивается.

– Я знаю, – говорит она.

Наверное, мне стоило бы удивиться тому, что гарпия это знает, но я не удивляюсь. Гарпии много чего знают. Я задумываюсь, не любит ли меня гарпия лишь за то, что я, по сути, тоже мусор. Вдруг я нужна ей только потому, что моя кровь ядовита?

Мой шарф разматывается, и я замечаю, что на новом зимнем пальто оторвалась пуговица.

Мои слова кажутся мне странными, и я повторяю их. Пытаюсь осмыслить их и почувствовать, как они звучат на языке.

– Гарпия, я умираю. Я умру не сегодня и не завтра, но, вероятно, раньше срока.

– Немудрено, ты ведь не бессмертна, – отвечает гарпия.

Я широко развожу руки. Они замерзли даже в рукавицах. Была не была.

– Возьми меня с собой.

– Тебе не хватит сил, чтобы стать гарпией, – отвечает гарпия.

– Хватит, – я скидываю свое новое зимнее пальто, подаренное пожарной охраной, и бросаю на лестницу. – Я устала быть одна.

– Если хочешь отправиться со мной, тебе придется перестать умирать. И перестать жить. Менее одинокой ты не станешь. Ты человек, и, если останешься, твое людское одиночество рано или поздно пройдет. А если полетишь со мной, оно останется с тобой навеки, – говорит гарпия.

У меня кружится голова, и не только от недостатка воздуха.

– Меня приняли в колледж, – говорю я.

– Хороший старт для будущей карьеры, – отвечает гарпия.

– Ты ведь тоже одинока. Но я, в отличие от тебя, сама решила быть одна. Так будет лучше.

– Я же, в конце концов, гарпия, – говорит гарпия.

– Мама Элис говорит, что Бог никогда не посылает нам испытаний, с которыми мы не сможем справиться.

– А когда она это говорит, то смотрит тебе в глаза? – спрашивает гарпия.

– Забери меня с собой, – прошу я.

Гарпия улыбается. Улыбка гарпии выглядит жутко, даже когда смотришь на нее впол-оборота.

– Дезири, не в твоей власти лишить меня одиночества, – говорит гарпия.

Она впервые называет меня по имени. Я и не подозревала, что она его знает.

– Келено, у тебя есть сыновья, сестры и возлюбленный. Далекое во дворце Западного ветра. Разве ты можешь быть одинокой?

Гарпия оборачивается и смотрит зелеными-презелеными глазами.

– Я не называла тебе своего имени, – произносит она.

– Твое имя – Тьма. Ты назвала мне его. Ты сказала, что я нужна тебе, Келено.

От холода мне больно, я с трудом могу говорить. Я отступаю и поеживаюсь. Без пальто я замерзаю, мои зубы стучат друг о друга, словно несмазанные шестеренки какого-то механизма. Я обхватываю себя руками, но толку мало.

Я не хочу быть как гарпия. Она мерзкая. Это ужасно.

– Под покровом грязи я сияю. Я спасаюсь. Решила всегда быть одна? Так докажи, что готова на это.

Я не хочу быть как гарпия, но быть собой мне тоже не хочется. Мне никуда от себя не деться.

Если я отправлюсь с гарпией, то уже никогда не сбегу от себя.

Небо светлеет. Когда солнечный свет упадет на гарпию, ее грязные перья засияют металлическим блеском. Я уже могу различить отдельные облака на горизонте, будто чернильные пятна на бледном листе зари. Зарю, конечно, среди высотных зданий не увидишь. Прогноз не обещал ни снега, ни дождя, но буря все равно надвигается.

– Я нужна тебе лишь из-за своей гнилой крови. Лишь потому, что от меня все отказались.

– Я способна превращать мусор в бронзу, – отвечает гарпия. – Гниль я превращаю в силу. Если хочешь отправиться со мной, тебе придется стать такой, как я.

– А это всегда настолько трудно?

– Дитя, я не лгу. Чего тебе хочется на самом деле?

Я открываю рот, еще не зная ответа, но, когда он слетает с губ, я понимаю, что этого мне не может дать ни мама Элис, ни учебный грант.

– Волшебства.

Гарпия переминается с ноги на ногу.

– Я не могу тебе этого дать. Тебе придется научиться самой.

Внизу, под подушкой, лежит письмо. На другом конце города, в доме с кирпичными стенами, живет доктор, который тоже пишет мне письма.

Дальше по улице – школа и церковь, где мне обещают рай после смерти, если я буду хорошо себя вести.

Вдали – рассвет и буря.

Мама Элис будет переживать. Мне ее жалко. Она такого не заслуживает. Когда я стану гарпией, буду ли я переживать за других? Если буду, то всегда или нет?

Я представляю, как из-под жирового горба прорастают перья.

Цепляюсь пальцами за перила и взбираюсь на них. Они покрыты ржавчиной и льдом, и мои школьные ботинки скользят. Я на высоте шестого этажа, подо мной – уличные фонари. Я раскидываю руки.

Упаду – ну и пусть.

История любви, возможная только в Нью-Йорке.

Мария Дэвана Хэдли Самая высокая красотка Нью-Йорка⁶

В этот особенно снежный февральский понедельник я нахожусь на шестьдесят шестом этаже, на углу Лексингтон-авеню и Сорок второй улицы. Вечер, на часах две минуты шестого. Внизу мельтешат шляпы и куртки. Все, кто работает в Мидтауне, выплескиваются на улицы замерзшего города в поисках сладостей, чтобы порадовать своих любимых.

Даже с высоты я вижу надушенных дешевым одеколоном щеголей с коробками в форме сердца, завернутыми в красный, как адская топка, целлофан.

Если вы официант в «Клауд-клубе», то вам прекрасно известно, что пять часов – это время, когда мужские нервы становятся ни к черту. Все наши завсегдатаи страдают от свято-валентинских судорог, и мы с ребятами – а также наш прекрасный бар – всегда готовы им помочь. На мне фирменная униформа, на кармашке фирменным «крайслеровским» шрифтом, изгибающимся, как след от покрышек на пустынном шоссе в Монтане, вышито мое имя. На руке чистое полотенце, а в жилетке аспирин и пластырь на случай, если гость после неудачного свидания явится к нам с разбитым в кровь носом. Позднее состоится ужин для дам членов нашего клуба. Сегодня единственный день в году, когда женщины допускаются в наш закрытый банкетный зал. Доблестный Виктор, капитан нашего отряда официантов, раздает стартовое угощение. На входе гостей встречают скульптуры из мороженого в виде купидонов. Каждая дама получает в подарок бутоньерку из роз, выращенных братом Доблестного Виктора в Джерси. По меньшей мере две красотки ожидают от своих кавалеров предложений, и мы заранее заготовили кольца – одно должно быть брошено в бокал шампанского, а другое – вставлено в устрицу. По нашему общему мнению, бриллиант во втором кольце фальшивый.

Внизу идет тысяча девятьсот тридцать восьмой год, и дела там обстоят не так гладко, как здесь, наверху. Члены клуба – богатейшие люди, их жены живут в роскошных домах в Гринич-Виллидж, а любовницы – все как на подбор белозубые старлетки. Сам я не женат. Моя мать строга, как надзиратели тюрьмы Синг-Синг, а сестра – прекраснее потолка Сикстинской капеллы. Ей нужна защита от назойливых ухажеров, и поэтому мне суждено жить в материнском доме в Бруклине, пока я не найду себе жену или не погибну в тщетных поисках.

Появляются наши патроны. У каждого – свой шкафчик. Все они – сильные мира сего. Строят автомобили и небоскребы, но никто не построил небоскреба выше, чем тот, в котором мы сейчас. «Клауд-клуб» открылся еще до того, как здание обзавелось шпилем, и официантам известно о патронах больше, чем их собственным подругам. Еще во времена сухого закона мы оборудовали каждый из персональных деревянных шкафчиков иероглифическим кодовым замком, чтобы наши посетители могли безопасно хранить там свой алкоголь. Доблестному Виктору не раз приходилось объяснять легавым разнообразные криптографические нюансы, и те в конце концов отвязывались, не забывая, впрочем, сперва выпить. Мы так умело заговариваем зубы, что ни один полицейский не расшифрует.

Я смешиваю в баре коктейль «Лошадиная шея» для мистера Конде Наста⁷, не сводя при этом глаз с вывалившейся из лифтов толпы новых посетителей. У них в руках подарки для дам – шубы, колье и прочая дорогостоящая дребедень. И тут, в пять двадцать восемь вечера, Крайслер-билдинг решает сойти с фундамента и прогуляться.

Хоть бы предупредила!

⁶ “The Tallest Doll in New York City” © 2014 Maria Dahvana Headley. First publication: *Tor.com*, 14 February 2014.

⁷ Конде Монтроз Наст (1873–1942) – американский журналист и издатель, кому обязаны славой такие журналы, как «Вог», «Нью-Йоркер» и многие другие.

Она стряхивает снег и голубей со шпилья и грациозно шагает на юго-запад. К такому не готовы даже многие повидавшие официанты. Рост Крайслер – тысяча сорок шесть футов, и до сего момента она не проявляла тяги к прогулкам. Она стояла здесь, на углу, целых семь лет – самая яркая девочка на миллионы миль вокруг.

Все мы сохраняем самообладание. Когда что-нибудь идет не по плану, хорошие официанты не перестают исполнять пожелания клиентов. Как-то раз, в тысяча девятьсот тридцать втором, Виктор самолично доставил одному из наших патронов пистолет. У того был соперник, недавно прибывший в Америку и стремившийся сделать себе имя. Дело закончилось двумя выстрелами и осечкой, и наш Доблестный Виктор оказался в операционной под неусыпным взглядом покрытой медной патиной девы Марии. Несмотря на это, он успел вернуться на Манхэттен к вечерней смене скатертей.

– Господа, Крайслер решила немного прогуляться, – объявляет Виктор со сцены. – Не паникуйте. Всем бесплатные напитки от меня и официантов «Клауд-клаба»!

Несмотря на это, некоторые посетители вполне ожидаемо начинают паниковать. Для некоторых из них происходящее страшнее Черного вторника⁸. Мистера Наста укачивает, и он бросается в мужскую уборную. Успокоитель – наш особый сотрудник, призванный следить за желудочно-кишечными проблемами клиентов – сопровождает его с высоким стаканом имбирного эля наготове. Я сам выпиваю коктейль, предназначавшийся мистеру Насту. Успокоившись, я размышляю, не отнести ли напитки клиентам на шестьдесят седьмом и шестьдесят восьмом этажах, но замечаю, что Виктор уже отправил экспедицию вверх по лестнице.

Я подхожу к окну. Люди на улице стоят, разинув рты, и изумленно вскрикивают. Гудят клаксоны такси. Дамы не замечают покрытых льдом луж, а их кавалеры остолбенело таращатся на небоскреб.

Мы частенько шутим о том, что работаем внутри самой горячей девчонки Нью-Йорка, но никому из персонала и в голову не приходило, что у Крайслер может быть собственный разум. Она невероятно прекрасна в своей многоэтажной короне, ее кожа отликает бледно-голубым в свете дня и розовым в ночном освещении. Ее вуаль – череда изгибов и арок, усыпанная миниатюрными кристаллами от «Дженерал электрик».

Мы знаем ее насквозь – или по крайней мере, считаем так. Когда ломаются лифты, мы ходим по ее лестницам вверх и вниз, а в жаркие летние дни дышим воздухом, выглядывая из ее треугольных окон. Окна на самом верху не открывают – ветер там такой, что даже в штить может подхватить футбольный мяч и перекинуть его на расстояние длиной в целое поле, а восходящие потоки способны зашвырнуть внутрь здания даже птиц. Официально у Крайслер семьдесят семь этажей, но фактически – восемьдесят четыре уровня.

Чем выше – тем они меньше. Восемьдесят третий уровень представляет собой лишь платформу размером со столик для пикника, со всех сторон окруженную окнами. Над ней – лестница и люк, ведущий к шпилью и громоотводу. Верхние уровни – заманчивое место. Одним знойным августовским вечером мы с Успокоителем поднялись на самый верх, ползком, обвязавшись веревками. Здание покачивалось под нами, но стояло крепко. Внутри шпилья хватает места для одного человека. Со всех сторон у тебя металл, и ты чувствуешь само движение земли.

Крайслер – дама сногшибательная, и удивляться тут нечему. Я мог бы рассуждать о ней без конца. По ночам мы включаем в ней свет, и ее огни видны за много миль вокруг.

Этим я хочу сказать, что мы, официанты «Клауд-клаба», знаем характер этой цыпочки. Мы ведь работаем в ее голове.

⁸ Так называемый «Черный вторник» 29 октября 1929 года – последний день биржевого краха, положившего начало мировому финансовому кризису (Великой депрессии) в США и других западных странах, продолжавшемуся до 1939 года.

Наши патроны бросаются в закрытый банкетный зал, стены которого украшены хрустальными скульптурами, символизирующими рабочий класс, и прячутся под столом. Официанты же цепляются за бархатные шторы и наблюдают, как Крайслер шагает по Тридцать четвертой улице, звеня и цокая каблуками.

– Босс, нам следовало этого ожидать, – говорю я Виктору.

– Бесспорно, – отвечает он, перебрасывая через руку полотенце. – Дамы! Наша Крайслер влюблена!

На протяжении одиннадцати месяцев, в тысяча девятьсот тридцатом и тридцать первом, Крайслер была самой высокой красоткой Нью-Йорка. Затем появился Эмпайр со своим высокоченным шпилем, и превзошел ее. Долгое время Крайслер смотрела на него, а он не обращал на нее внимания. И вот она не выдержала. В конце концов, сегодня же День святого Валентина. Я передаю Виктору сигарету.

– Он ведет себя как потемкинская деревня, – говорю я. – Будто у него за фасадом ничего нет. Если бы на меня положила глаз такая куклолка, я бы горы свернул. Нашел бы нам общий дом, а то и вообще переехал за город. Что меня держит? Мать да сестра. А он-то, считай, королевская особа.

– Не скажу наверняка, – отвечает Виктор, наполняя мой бокал, – но я слышал, что его не интересуют отношения. Он на нее даже ни разу не взглянул.

Крайслер останавливается на перекрестке Тридцать четвертой и Пятой, чуть приподнимает подол юбки и клацает каблуками. Внизу воют сирены, но она чего-то ждет. Мне стыдно об этом сообщать, но находятся люди, которые вообще не замечают ничего необычного и просто проходят мимо, возмущенные образовавшейся пробкой.

Эмпайр-стейт-билдинг робко стоит у себя на углу. Он дрожит так, что шпиль трясется. Некоторые из моих коллег и патронов сочувствуют ему, но не я. Крайслер – настоящая леди, и если он сегодня откажет ей, то навсегда останется для меня неотесанным болваном.

В три минуты седьмого все прохожие на Пятой авеню заходятся в ужасающем крике. Крайслер сдаётся и хлопает Эмпайра по плечу.

– Он ответит, – уверен Виктор. – Давай же, отвечай!

– Сомневаюсь, – говорит Успокоитель, завершивший свою туалетную миссию. – Он до смерти ее боится. Смотрите!

Наш Успокоитель – настоящий специалист не только по китайской медицине, но и по психоанализу. Если бы не он, остальным официантам приходилось бы туго. Он с одного взгляда может угадать, что собираются заказать клиенты.

– Она все отражает, включая все недостатки нашего бедняги. Он столько лет это видел, что теперь чувствует себя голым. Когда тебе буквально тычут в лицо твоими недостатками, это удар по психике.

Повара на кухне принимают делать ставки.

– Она не станет долго ждать его ответа, – говорю я. Теплых чувств к здоровяку я не питаю, но все равно переживаю за него. – Она знает себе цену. Ей больше подойдет кто-нибудь вроде Метрополитен-музея.

– Или Шварцмана⁹, – говорит Успокоитель. – Я бы на ее месте выбрал его. С нашей Крайслер шутки плохи, легкомысленного отношения она не потерпит.

– С другой стороны, эти двое для нее низковаты, – рассуждаю я. – Ей нравятся ребята со шпильями. Может, Мюзик-холл?

Эмпайру тяжело. Его шпиль был изначально приспособлен для парковки дирижаблей, но после катастрофы «Гинденбурга» о дирижаблях пришлось навсегда забыть. Теперь его предназначение неясно. Он поникает. Крайслер снова похлопывает его по плечу и протягивает руку в

⁹ Здание Стивена А. Шварцмана – центральный корпус Нью-Йоркской публичной библиотеки.

стальной перчатке. Виктор разливает всем еще шампанского. Весь клуб охватывает ставочный ажиотаж, деньги переходят из одних рук в другие.

Эмпайр медленно, нерешительно сдвигается с места.

Весь персонал шестьдесят шестого этажа взрывается радостными криками, среди которых раздается еле слышный стон мистера Насти – его ставка проиграла. Лифты обоих зданий возобновляют работу, извергая на улицу людские потоки. К моменту, когда Крайслер с Эмпайром отправляются на восток, почти все патроны покидают клуб, а мы с Виктором и Успокоителем распиваем на троих бутылку бурбона.

Дам в клубе нет, и оставшиеся патроны решают отложить ужин, пока Крайслер не вернется на привычное место. Наступает всеобщее облегчение. На сегодня персонал «Клауд-клуба» складывает с себя обязанности.

Когда Крайслер и Эмпайр под ручку ступают в воды Ист-Ривер, между собой начинают переговариваться и другие влюбленные здания. Из окон мы наблюдаем, как жилые дома склоняются друг к другу, растягивая веревки для сушки белья, и шушукаются. Центральный вокзал, подтянутый и элегантный, как пассажир «Титаника», поднимается и, отряхнувшись, направляется к станции Пенсильвания, этой иконе стиля боз-ар. Флэтайрон и Игла Клеопатры вздрагивают от внезапной близости, и через мгновение начинают обниматься.

Эмпайр и Крайслер застенчиво проходят полосу прибоев между Пятьдесят девятой улицей и Вильямсбургским мостом. Мы видим ньюйоркцев, высыпавших из автобусов и такси, чтобы полюбоваться на отражающийся в глазах нашей красотики закат.

На голове у Эмпайра красуется неуклюжий фонарь в форме сердца, и мы с Виктором и остальными не можем удержаться от смеха. Крайслер искрит серебристыми блестками и выглядит величественно. Ее окна звенят.

На глазах у жителей трех районов два высочайших здания Нью-Йорка прижимаются друг к другу и начинают вальсировать по щиколотку в воде.

Я бросаю взгляд на окна Эмпайра и вижу в одном девушку, смотрящую прямо на меня.

– Виктор, – окликаю я старшего официанта.

– В чем дело? – отвечает он.

Усевшись рядом с каким-то позеленевшим от укачивания промышленником, Виктор поглощает суп вишисуаз. Напротив них бывший чемпион мира по боксу Джин Танни курит сигару. Я укладываю промышленнику на лоб влажное полотенце и благодарно принимаю предложение боксера угоститься сигарой.

– Видите ту красотику? – спрашиваю я.

– Разумеется, – отвечает Виктор, а Танни согласно кивает. – Как не заметить такую птичку?

Девушка примерно в тридцати футах над нами, в левом глазу Эмпайра. На ней красное платье с блестками, в волосах – цветок магнолии. Она подходит к микрофону. Один из ее музыкантов начинает играть на трубе. Музыка слышна даже здесь.

Наши здания кружат, крепко обнявшись. Ансамбль в Эмпайре исполняет *In the Still of the Night*¹⁰. Я не могу отвести глаз от моей красотики, моей сногшибательной красотики, и едва замечаю первый поцелуй Крайслера и Эмпайра в девять шестнадцать вечера. Проходят часы; Крайслер краснеет, Эмпайр что-то шепчет ей на ушко, они вместе смеются, но я так и не отвожу взгляд.

Лодки на реке обескураженно кружат, когда в одиннадцать тридцать четыре наша парочка отправляется на юг к гавани и, переступив через мосты, оказывается в глубокой воде. Мачты Эмпайра оплетают орнаментальных орлов Крайслера. Крайслер осторожно перешаги-

¹⁰ Песня Фреда Пэрриса, впервые исполненная в 1956 г. группой The Five Satins.

вает через колесо обозрения на Кони-Айленде, а Эмпайр наклоняется и поднимает его для нее, пронося прямо перед нашими окнами. Крайслер вдыхает его наэлектризованный аромат.

– У тебя один путь, – говорит мне Виктор, протягивая веревку, сплетенную из скатертей. Остальные официанты кивают.

– Вы – настоящие друзья, – говорю я. – Настоящие чемпионы.

– Я тоже чемпион, – бубнит отправившийся в алкогольный нокаут Танни. Он с ног до головы усыпан розовыми лепестками и нижним бельем.

Я взбираюсь по узким лесенкам на восемьдесят третий уровень, слыша, как моя красотка поет только для меня. Воздух здесь холоднее, чем купидон из мороженого. Я вылезая из окна на карниз, не выпуская из рук веревку. Когда Крайслер прижимается разгоревшейся щечкой к плечу Эмпайра, он поглаживает ее по блестящей коленке, и они принимаются заниматься любовью посреди Атлантики. В этот момент я бросаю веревку, и красотка из Эмпайра привязывает ее к своему роялю.

В одиннадцать пятьдесят семь я перебираюсь по веревке, а ровно в полночь уже держу девушку в объятиях.

Из «Клауд-клаба» доносятся аплодисменты; все поднимают бокалы, стаканы с бурбоном, а кто-то – ложки для супа. Я вижу, как боксер чмокает Доблестного Виктора. Внизу «Циклон»¹¹ оплетает Бруклинский мост, а паромная переправа Статен-Айленда принимается отплясывать перед леди Свободой.

В шестнадцать минут первого Крайслер и Эмпайр призывают на свои шпильки молнии, и все мы, мужчины и женщины, официанты и певицы, люди и здания, принимаемся отчаянно целоваться в ледяном океане посреди парка аттракционов, освещаемые бледно-рыжими огнями Нью-Йорка.

Их отношения начались еще тогда, когда жив был Энди Уорхол, Манхэттен выставлял напоказ все свои неприглядные стороны, и молодежь теряла здесь свою идентичность, чтобы обрести новую, более экстравагантную.

¹¹ «Кони-Айлендский циклон» или просто «Циклон» – исторические «американские» (или, как принято говорить в США, «русские») горки, открытые в 1927 г. и действующие до сих пор.

Ричард Боус Кровь вчера, кровь завтра¹²

1

– Ай Лин, сыграй для тети Лилии и всех остальных «Лунный свет» Дебюсси, – сказал Ларри, и его партнер Бойд расплылся в улыбке.

Лилия Гейнс была приглашена на званый ужин одним из организаторов, Ларри Степелли.

В злополучные давние времена они даже жили вместе. Двадцать пять лет назад Лилия и Ларри записались на курс ихордоновой терапии как пара, а закончили его порознь.

Роскошно одетая маленькая азиатка свободно и раскованно села за пианино. Было время, когда Лилия считала, что воспитывать детей должно быть позволено только благополучным и богатым однополым парам.

За спиной Ай Лин, под окнами двухквартирного дома, текли воды Гудзона и горели огни Нью-Джерси. Был поздний июньский вечер. Ко всеобщему удивлению, девочка исполнила сложную пьесу безошибочно, будто совершенный робот.

Под аплодисменты отцов и дюжины гостей Ай Лин поклонилась и ушла в сопровождении няни. Лилия в очередной раз задумалась о стремительном восхождении Ларри по социальной лестнице. Ужин был устроен в первую очередь для клиентов Бойда, но Ларри стремился впечатлить некоторых из них, а перед остальными, включая Лилию, – похвастаться своим успехом.

Какая-то женщина спросила Бойда, в какое дошкольное учреждение ходит его дочь. Один из его клиентов упомянул в одном предложении имена президента и двух сенаторов.

Молодой человек, пришедший в компании известного пожилого иллюстратора детских книг, принялся рассказывать о своем новом романе.

– Это подростковый роман ужасов – очень популярный нынче жанр, – говорил он.

Ларри с улыбкой обратился к Лилии:

– Вчера я проходил мимо «Сокровищницы», но вы были закрыты.

– У нас ремонт, – ответила она. Когда-то они были столь близки, что до сих пор могли прочесть друг друга как открытую книгу, и прекрасно понимали, когда говорят неправду.

Ларри склонил свою по-прежнему прекрасную голову, волосы на которой едва тронула седина, и вздернул бровь.

Лилия ожидала нового вопроса про магазин – например, сколько он еще протянет – и совершенно не хотела это обсуждать.

Ларри так ничего и не спросил. В этот момент начинающий писатель продолжил:

– В этом жанре не пишет только ленивый, но он никогда не надоедает. Мой роман называется «Нынче крови не получишь». Помните, как в «Алисе в Зазеркалье», – «варенье можно получать либо завтра, либо вчера, но только не нынче». По сути, моя книга – это та же «Алиса», только с вампирами! А действие происходит в элитной частной школе!

Все это время писатель восхищенно смотрел на Ларри. Бойд нахмурился. Иллюстратор, работы которого в текущий момент были выставлены в галерее Ларри, закатил глаза.

Губы Ларри вновь тронула улыбка, но тут же исчезла. Монолог писателя, по мнению Лилии, был незапланированным бонусом.

¹² “Blood Yesterday, Blood Tomorrow” © 2011 Richard Bowes. First publication: *Blood and Other Cravings*, ed. Ellen Datlow (Tor).

Женщина в шелковом платье, немного напоминающем ночную сорочку, перевела разговор на другую, едва ли более безопасную тему: снижение цен на недвижимость.

Тогда Бойд предложил гостям приступить непосредственно к ужину. Бойд Ласло был корпоративным юристом: твердым, вежливым, привлекательным, умеющим хранить тайны. Лилия Гейнс знала, что он ей не доверяет.

Отношения Лилии и Ларри начались еще тогда, когда жив был Энди Уорхол, Манхэттен выставлял напоказ все свои неприглядные стороны, и молодежь теряла здесь свою идентичность, чтобы обрести новую, более экстравагантную. Тогда они снимали квартиру на двоих, а Бойд еще учился в колледже и только планировал поступление на юридический факультет Йельского университета.

Этим летом весь Манхэттен охватила ностальгия по тем мрачным временам, и Лилия хотела пробудить эту ностальгию в Ларри. Ей было что ему показать, но сделать это можно было лишь наедине.

Вечер подходил к концу; Ларри проводил иллюстратора, а молодой писатель никак не мог уйти, все так же восхищенно глядя на Ларри и на Лилию тоже. Мистическое притяжение древнего зла – Лилии не нужно было это объяснять.

Лилия заметила, что, прощаясь с писателем, Ларри подмигнул ему – верный знак того, что ему скучно. Она вспомнила, каким он был во время ихордоновой терапии: он плакал и клялся, что когда выйдет оттуда – излечившись от своей привычки, – то свяжет себя крепкими отношениями и станет воспитывать детей.

На другом конце коридора, у лифта, Бойд обменивался поцелуями и рукопожатиями с другими гостями. Лилия и Ларри остались наедине, и он положил руки ей на плечи.

– Ты что-то скрываешь. Выкладывай.

– Нашла кое-что, – ответила Лилия, доставая из сумочки аккуратно сложенную льняную салфетку.

Только тот, кто был знаком с Ларри столь же хорошо, как она, мог бы заметить, как его глаза на миллиметр расширились. На салфетке был вышит символ, который Лилия впервые встретила много лет назад – маленькая золотая корона. Под короной располагалась витиеватая надпись: «Дом Мирны». Те же слова, только перевернутые, были и над короной. Ларри с Лилией не смогли продолжить разговор, потому что вернулся Бойд. Выглядел он озадаченно и хотел поговорить с Ларри наедине. Поблагодарив их обоих за ужин, Лилия покинула дом. Уходя, она заметила, что Ларри спрятал салфетку от Бойда.

Давным-давно, когда Нью-Йорк был куда более мрачным и безумным местом, Ларри с Лилией жили в квартирке на маргинальной улочке в Нижнем Ист-Сайде и искали момент, чтобы построить карьеру. Он снимался в любительских фильмах вместе с Мадонной, тогда еще никому не известной, и занимался фотографией; она шила платья по собственным эскизам и продавала их в бутиках Ист-Виллидж. Их кумирами были Патти Смит и Роберт Мэпплторп¹³ и, как и вся молодежь того времени, они старались во всем походить на них. Серьезная, невозмутимая девушка с обрамляющими лицо волосами, и яркий парень-бисексуал. Они ходили в «Пирамиду», «Студию 54» и «Фабрику»¹⁴. Заигрывали с алкоголем и наркотиками. Разумеется, в их отношениях было место и любви, и, когда сходились звезды, сексу.

Они постоянно нуждались в деньгах, и поэтому приторговывали антиквариатом и прочими диковинами на блошином рынке на Шестой авеню.

¹³ Патриция (Патти) Смит (р. 1946) – американская певица, одна из родоначальниц панк-рока. Роберт Мэпплторп (1946–1989) – американский фотограф, известный своими провокационными черно-белыми снимками обнаженной натуры.

¹⁴ «Студия 54» – популярный в 70-х годах двадцатого века ночной клуб. «Пирамида» – ночной клуб, открывшийся в 1979 году и ставший символом гей-культуры. «Фабрика» – арт-студия Энди Уорхола, где также собирались представители нью-йоркской богемы.

Тогда этот район Манхэттена представлял собой скопление пятиэтажных зданий и просторных автомобильных стоянок, и буквально просил, чтобы кто-нибудь занялся его перестройкой. По выходным стоянки одну за другой оккупировали раскладные столы и палаточные городки. Торговля шла до рассвета.

Все больше и больше ньюйоркцев проводили там вечера, роясь в хламе в поисках ценных находок. Именно там бледный принц Уорхол купил большую часть своей знаменитой коллекции банок из-под печенья.

По будним дням Ларри с Лилией обхаживали аукционные дома Четвертой авеню и Бродвея, к югу от Юнион-сквер, скупая плачевного вида вазы, конфетницы, старые игрушки, никому не нужные солнечные зонты, наборы фотографий юных солдат и девочек-хористок, изображения обнаженных купальщиков конца девятнадцатого и начала двадцатого веков и статуэтки в виде слонов в капорах и цилиндрах.

Это занятие кормило их, поэтому к воскресному утру они старались оставаться трезвыми. Еще затемно они перевозили тележки со своими сокровищами на Шестую авеню, занимали клочок земли площадью в несколько квадратных футов, арендовали пару столов и открывали свою лавку.

Еще до рассвета на рынке появлялись приезжие антиквары, декораторы-авангардисты и просто безумные коллекционеры. Они с фонариками обходили мебельные фургоны и столы, на которых торговцы раскладывали свой товар.

Лучи фонарей мелькали во тьме и внезапно то четыре, то пять, а то и десять лучей замирали на их прилавке с занятыми, необычными и, быть может, даже ценными вещами.

Ларри с Лилией нравилось внимание. Так продолжалось до тех пор, пока на очередном вялотекущем будничном аукционе им не попался лот, состоящий из нескольких коробок «стрессовых активов»: зеркал, скатертей, бокалов для шампанского и даже спичечных коробков с похожим на золотую корону клеймом и надписью «Дом Мирны».

Это название было им незнакомо. Вероятно, этот самый «Дом Мирны» был каким-то заведением в Аптауне – рюмочной, борделем или богемным салоном – все равно.

– «Блохи», – заядлые старые торговцы именовали себя «блохами», – называют свой товар «барахлом», – сказал Ларри.

– Это самое что ни на есть барахло, – согласилась Лилия.

– Много барахла, – произнесли они в унисон, как частенько случалось с ними тогда.

Поставив пятьдесят долларов, они выиграли лот.

В воскресенье они арендовали привычное место и пару столов. Кроме «барахла» они выставили неплохо обставленный кукольный домик, комплект бело-голубых фарфоровых мисок, несколько потрепанных кожаных курток, старинные корсеты, коробку запонок и сумку клюшек для гольфа, а также несколько сломанных фотоаппаратов и расколотую банку с мраморными шариками. Но «барахло» из «Дома Мирны» занимало среди товаров почетное место.

Пара, содержащая прилавков напротив, казалось, каждую неделю совершала налет на новое место. Товар у них всегда был тематический. В этот раз – чучело головы лося, лыжи, снегоступы, тупые коньки, грубо сколоченные деревянные кресла и стойки для ружей.

Ларри с Лилией закончили приготовления до рассвета. На стоянке появились первые фонарики. Один осветил прямо на них. Женщина с плоским, не выражающим никаких эмоций лицом в очках без оправы обратила внимание на клюшки для гольфа, но, присмотревшись, развела руками и собралась уходить. Тут луч ее фонаря упал на аккуратную скатерть из «Дома Мирны».

– Тридцать долларов за все, – обвела она рукой «барахло» Мирны.

Ларри с Лилией не спешили с ответом. Тридцать долларов стоила суточная аренда места и столов, к тому же, за «барахло» они сами заплатили больше.

Подошел другой клиент с фонарем – мужчина средних лет с тонким, осунувшимся лицом, выдававшим в нем постоянного посетителя многих значных мест Манхэттена. Он внимательно рассмотрел бокалы Мирны.

– Пять долларов за штуку, – объявила цену Лилия, но мужчина не смутился.

– Тридцать только за скатерть, – сказал Ларри женщине, которая хотела заплатить столько за все.

С женщиной они сторговались за двадцать. Осунувшийся мужчина купил четыре бокала за пятнадцать долларов и принялся осматривать прочее «барахло».

Тем утром все фонари гигантскими светлячками налетели на лавку Лилии и Ларри. «Дом Мирны» был нарасхват. Другие вещи никого не интересовали. Даже старые «блохи» бросали свои дела, чтобы узнать, откуда такой ажиотаж.

Когда из-за крыш показалось солнце, худой, осунувшийся мужчина раскопал среди «барахла» маленькую шкатулку из слоновой кости.

– Мирна Лавальер, кто же ты и где ты сейчас? – произнес он, открывая крышку.

Внутри оказалась пачка визитных карточек с привычным символом короны и надписью «Дом Мирны» с двух сторон. Внизу был указан адрес в Верхнем Ист-Сайде, телефонный номер с буквенным кодом и слоган: «На полпути от Парк-авеню к раю».

– Скорее «как можно дальше от рая и в двух шагах от ада», – сказал мужчина. – Ребята, вы вообще в курсе, что у вас тут?

Занятые другими клиентами Ларри и Лилия развели руками.

– Порок всегда хорошо продается, – сказал мужчина. – В конце сороковых, после войны, это место считалось гнездилищем порока. Ты входил в «Дом Мирны» человеком, а выходил... не совсем.

Разглядывавшая подсвечники из «Дома Мирны» высокая женщина с черным кружевным платком на шее и в солнцезащитных очках остановилась и прислушалась. Снисходительно усмехнувшись, она произнесла с едва уловимым акцентом:

– Я вас умоляю, не рассказывайте этим не таким уж невинным деткам страшилок, выдуманных теми, кого даже на порог к Мирне не пускали. То, что там творилось, уже случилось прежде, и непременно случится вновь. Если вы хоть немного в теме, то прекрасно это знаете.

Обернувшись к мужчине, женщина ненадолго сняла очки. Ларри с Лилией не было видно ее лица, но, судя по всему, оно было достаточно страшным или угрожающим, чтобы мужчина попятился и поспешно удалился.

– Пятьдесят за подсвечники! – выпалил осмелевший Ларри.

– Я просто сравнивала их с теми, что у меня есть. Но я расскажу о вас кому следует. Думаю, время пришло.

Все утро старые барахольщики грызлись с ушлыми дизайнерами за предметы из «Дома Мирны». Лилия и Ларри искали среди них тех, кто реально мог бывать в этом загадочном заведении.

Когда солнце полностью вышло из-за крыш, к лавке потянулась молодежь, вывалившаяся из «Данстерии»¹⁵. Накрашенные парни-трансвеститы, девушки в бархатных платьях, столь узких, что казалось, будто держатся они исключительно за счет внутреннего напряжения, заглядывали на блошинный рынок по пути в Даунтаун. Коллекция их поразила; они перешептывались, смеялись, но в конце концов купили не много – пару платков да мундштук для сигарет.

Однако коллекция неудержимо таяла. К лавке подошла одинокая, одетая в стиле дэт-панк девушка; ее щедро покрашенные черным глаза и темные волосы с зелеными прядями в

¹⁵ Известный нью-йоркский ночной клуб, существовавший с 1979 по 1995 год, и за это время семь раз менявший прописку. Наибольшей популярностью пользовалась его вторая инкарнация, просуществовавшая до 1985 года. В это время клуб посещала певица Мадонна, группы *Duran Duran* и *Depeche Mode*, а также другие популярные артисты.

рассветных лучах выглядели особенно трагично. Порывшись в оставшихся вещах, она выложила все свои деньги – три доллара и семнадцать центов – за заляпанную картонную подложку для пивных кружек.

Тут Лилия сообразила, что под определенным углом эмблема «Дома Мирны» напоминает рот, а корона – острые золотые зубы. Стоило ей это понять и показать Ларри, как они уже не могли воспринимать логотип иначе.

Они не были наивными. В богемном обществе ходили слухи о неких «созданиях ночи». После того утра мысли о «Доме Мирны» уже не выходили у Ларри и Лилии из головы.

2

Тридцать лет спустя, на следующее утро после званого ужина, Ларри несколько раз позвонил Лилии на мобильный телефон, но та была занята – ехала на трамвае на остров Рузвельт по делам. Вдобавок она прекрасно помнила, как вести себя с Ларри, когда ему от тебя что-то нужно – пусть такого и давно не случалось.

Остров Рузвельт лежит в устье Ист-Ривер между Манхэттеном и Куинсом. На этом клочке суши посреди огромного мегаполиса расположен маленький прибрежный городок, состоящий в основном из многоквартирных домов. Даже на центральной улице здания так нависают над тротуарами, что полностью заслоняют прохожих от солнца.

Когда-то солнечный свет был для Лилии абсолютно невыносим, и ей приходилось его избегать. Теперь, в тени этих зданий, она радовалась тому, что сохранила эту привычку и не заработала себе рак кожи.

Лилия помнила всех, кто прошел лечение вместе с ней и Ларри, – растрепанного седого старика с горящими глазами, которому пришлось давать тройную дозу ихордона и надевать намордник, потому что он на всех кидался, и русоволосую женщину, решившую стать вампиром после того, как она двадцать лет назад увидела Белу Лугоши в роли Дракулы.

Давным-давно остров Рузвельт назывался островом Вспомоществования. Здесь располагались инфекционные больницы, от которых теперь остались лишь развалины. Есть здесь и действующие больницы, в большинстве своем ничем не примечательные. Но есть здесь и больница для пациентов с полиморфным фотодерматозом (попросту говоря, аллергией на солнце), гемофагией (атипичной реакцией на кровь) и некоторыми другими необычными заболеваниями. На территории этой больницы располагаются также жилые коттеджи. В одном из них живет женщина, которую Лилия приехала навестить. Она нашла ее у окна, в коляске, укутанную одеялами. Лилии она казалась древней еще тогда, много лет назад, когда разглядывала на блошином рынке подсвечники и просила не рассказывать страшилок. Теперь же Мирна Лавальер выглядела настоящей мумией – говорящим скелетом, обтянутым кожей.

– Когда стареешь, от запаха тлена не скрыться. Никто от него не защищен, особенно мужчины. Каждый раз, когда ты приходишь сюда, тебя пугает мой возраст и вид. Я тебя не виню. Мне уже далеко за сотню. Зависимость от крови, а затем от ихордона, продлила мне жизнь, но погляди, чего это мне стоило. В больнице меня держали в смиренной рубашке и фиксировали голову, опасаясь, что я кого-нибудь покусая, – беззвучно усмехнувшись, Мирна показала Лилии беззубые челюсти. – Теперь мне хочется лишь спокойно умереть в этой комнате, а не в том хранилище для живых трупов, – она кивнула в сторону центрального больничного корпуса. – Но в этой стране даже для этого нужны деньги.

Еще раньше она рассказала Лилии, сколько ей осталось жить, сколько это будет стоить и какие еще сокровища из «Дома Мирны» и других клубов остались у нее в закромах. Лилия поделилась с ней своими планами. Сегодня пришел день для их воплощения.

– Мне нужно забросить на рынок хорошую наживку, – сказала Лилия.

Они поняли друг друга без слов. Мирна позвала сиделку, и та, как и неделю назад, передала Лилии новую коробку коллекционных вещей.

3

Лилия ответила на звонок Ларри только после того, как вернулась в свой магазин.

– Где ты это нашла? – немедленно спросил он.

В трубке были слышны голоса других людей – Ларри звонил из «Степелли», своей галереи в Западном Челси. Лилия сочинила историю про «Гараж» – последний из некогда процветавших блошиных рынков Шестой авеню. Она якобы нашла салфетку, укрывшись там от дождя в прошлое воскресенье.

– А еще что-нибудь из «Дома Мирны» там было? – спросил Ларри.

– Салфетка – все, что осталось, – ответила Лилия. – Торговка сказала, что все остальное разом смели какие-то молодые ребята.

– У нее еще что-нибудь осталось? Где она вообще раздобыла эти вещи?

– Да, – ответила Лилия, ничем не выдавая своего веселого настроения. – Она сказала, что получила их от женщины, приятель которой может раздобыть еще. У меня есть кое-какие зацепки.

Это была неправда, но взволнованный Ларри ни о чем не догадался.

Разговор состоялся в пятницу. Посетить «Гараж» они договорились утром в воскресенье.

«Сокровищница», магазин Лилии, когда-то был известным и модным местом. Спустя годы он превратился в занятный жутковатый пережиток прошлого для одержимых ностальгией людей, а теперь оказался на грани закрытия. Арендодатель давно выселил бы Лилию, если бы мог найти для помещения нового съемщика. Он продлевал аренду помесечно, но его терпение было уже на исходе.

Вечером Лилия вспомнила ту субботнюю ночь и воскресное утро их первого с Ларри триумфа. Через неделю они выставили на продажу все оставшееся «барахло» из «Дома Мирны» – фляжки, шарфы, стойку для зонтов в виде слоновьей ноги. Толпа окружила их даже раньше, чем они успели все разложить. Все фонари собрались вокруг их прилавка. Среди покупателей были и уже знакомые, и новые.

Прилавок напротив, хозяева которого каждую неделю обворовывали чей-то дом, на этот раз напоминал детский сад. Там были выставлены детские стулья, кресла, игрушки. Сами торговцы издали разглядывали толпу.

Ларри с Лилией поняли, что девушка-дэт-панк была разведчицей. За ней из сумрака потянулись парни и девушки, с ног до головы одетые в черное, пахнущие табаком и амилнитритом¹⁶. Появилась и молодежь в стиле ретро, одетые в костюмы двадцатых годов модники, стилиаги в зауженных брюках и даже проститутки. Лицо одного молодого парня в галстук было выкрашено белым, в руках он держал антикварную сумку врача. Все звали его доктором Джекилом.

Они покупали небольшие сувениры – чашки, салфетки, подкладки под пирожные. На вопрос «что такого особенного в “Доме Мирны”» они лишь пожимали плечами и говорили, что «создания ночи» сейчас в моде.

Наконец, перед самым рассветом, клубная молодежь с трепетом расступилась перед полудесятком фигур, появившихся, как тени, из ниоткуда. Лилия услышала, как «блоха» напротив крикнула кому-то: «Дракула с компашкой притащился!»

¹⁶ Амилнитрит – расслабляющее вещество, популярный клубный наркотик. В медицине использовался для лечения стенокардии.

Новоприбывшие казались невероятно высокими, худыми, вытянутыми. Их силуэты будто колыхались. На некоторых были плащи, а их улыбки были кратким мельканием зубов.

Растолкав молодежь, они подошли к прилавку Ларри с Лилией. Один из них молниеносно схватил какую-то девушку за воротник, поцеловал, а затем легонько куснул ее за шею. Девушка задрожала в экстазе.

Лилии было тревожно, а вот Ларри охватило восхищение. Это был истинный гламур, воплощение того, что творилось в закрытых комнатах самых эксклюзивных клубов. Осмотрев прилавки, незнакомцы кивнули, надели солнцезащитные очки, обменялись друг с другом взглядами и одобрительно улыбнулись Ларри.

Высоко подняв плащи, они скрыли происходящее от простой публики. В мгновение ока с Ларри сорвали кожаную куртку и рубашку. Улыбки и зубы незнакомцев выглядели точь-в-точь как на эмблеме «Дома Мирны».

Ларри вытаращил глаза. По его груди сбежала тонкая струйка крови. Даже когда незнакомцы уже покинули рынок, он продолжал смотреть им вслед, не заметив даже, как Лилия снова одела его.

Появились другие клиенты. Теперь Ларри с Лилией стали знаменитостями. Торговля пошла бойко – им удалось продать даже кукольный домик.

Ларри был заморожен и смятен. Лилия знала, что его всегда тянуло к славе, к высшему обществу, и ему каким-то образом удавалось заводить связи в нужных кругах. Теперь же его приняли в особенную, легендарную компанию.

Всю неделю Ларри держался отстраненно и рассеянно. Он действовал Лилии на нервы, она в свою очередь раздражала его. В следующее воскресенье они привезли на рынок последние вещи из «Дома Мирны» и все, что у них осталось на продажу.

Перед рассветом вокруг них собрались фонари. Появилась и женщина в шарфе и солнцезащитных очках. Клубная молодежь глядела на нее с благоговением. Женщина подошла к Ларри и изобразила подобие улыбки, и протянула Лилии бумажку с какими-то именами.

– На старости лет любые коллекции, даже самые дорогие сердцу, становятся обузой. Это люди, готовые расстаться со своими.

Когда она уходила, появились молодые создания ночи. Склонив головы, они расступились перед ней.

– Мирна, – прокатился шепот. – Мирна Лавальер!

Кивнув, женщина скрылась в сумраке ночи.

Когда создания ночи обступили Ларри, Лилия воспротивилась, сказав, что они выставляют его идиотом. В ответ Ларри указал на нее. Снова вверх взметнулись плащи, Лилию схватили за руки, расстегнули блузку. Она не успела даже вскрикнуть, прежде чем зубы впились в ее шею.

Она обернулась посмотреть, кто укусил ее, но от резкого движения голова пошла кругом. Лилия пробовала разные наркотики, но ни один не обладал таким эффектом. Ощущения были как от смеси героина с ЛСД. В результате они с Ларри пробыли в трансе до следующего утра.

Придя в себя, они изучили список людей, оставленный им Мирной. Все эти люди были глубокими стариками, тщедушными, будто готовыми в любой момент отправиться на тот свет. Но взгляды их были пронизательными, а клыки – острыми. У всех были коллекции памятных вещей, с которыми они готовы были расстаться. Пара стариков пыталась кусаться, но в целом они оказались вполне безобидными.

4

Поздним летним вечером тридцать лет спустя Лилия встретила Ларри у «Сокровищницы» на Западном Бродвее, на задворках Сохо. Она была напряжена, зная, что не может

допустить ошибку. Из нагрудного кармана Ларри вместо носового платка торчала салфетка из «Дома Мирны» с эмблемой напоказ. Лилии было интересно, какую отговорку Ларри придумал для Бойда. Мимо то и дело проезжали такси, молодежь гуляла группами в поисках работающих допоздна клубов. В выходные дни перед равноденствием субботние сумерки наступают поздно, а воскресные утра – рано. Ночи не остается места. Ларри окинул взглядом вывеску, темные окна и ветхий фасад магазина.

– Да, были времена, – произнес он, качая головой.

Когда-то дела магазина действительно шли иначе. «Настоящая сокровищница!» – кричала реклама в «Виллидж войс». «Модная лавка не для вашей мамы – и не для вашего папы», – гласил заголовок статьи в «Нью-Йорк мэгэзин» сразу после открытия «Сокровищницы» в начале восьмидесятых.

В магазине были представлены дизайнерские вещи на любой вкус: плази различной длины, солнечные зонты, рубашки и блузки без воротников, открывающие шею.

Продавались и безделушки из бесконечной череды таинственных клубов и салонов. В тысяча восемьсот семидесятых основным объектом слухов и сплетен был «Брат Дьявол» неподалеку от Юнион-сквер, в начале двадцатого века – бар «Летучая мышь». В конце двадцатых годов в Гарлеме открылся клуб «Индиго» с чернокожими официантами и развлечениями, о которых было принято говорить лишь шепотом.

– У нас были артефакты из всех этих мест, – вспомнил Ларри. – Есть люди, которые жить не могут без подобных штучек. Тем, кто в теме, даже говорить ничего не приходилось, они сами обо всем догадывались.

Прогуливаясь по Шестой авеню в поисках свободного такси, Ларри с Лилией вспоминали прежние времена. Как создания ночи появились в клубе «Мадд»¹⁷, как колумнисты «Виллидж войс» вскользь упомянули новое молодежное увлечение, не связанное ни с наркотиками, ни с сексом. В «Нью-Йоркере» писали: «Некоторые считают это древним европейским обычаем».

За артефактами охотились все. Увозили их в Вестчестер, в Чикаго, в Париж и Рим как символ своего прикосновения к неизведанному. «Сокровищница» была главным местом, где их можно было добыть.

– Солнечные дни были для нас пыткой, – произнес Ларри. – Мы вели ночной образ жизни.

Лилия помнила те времена иначе, словно смотрела на них с противоположного конца калейдоскопа, но спорить с Ларри не стала. Не стала она и напоминать о происшествии, которое повлекло за собой катастрофу.

Для нее все началось с визита к стоматологу. Врач заметил, как выросли клыки Лилии, и выпроводил ее из кабинета. Затем, в один из редких визитов к родным в Филадельфию, Лилия услышала от матери: «Это что, засосы?»

Мать заметила следы от укусов и обратила внимание на неестественную бледность дочери.

Лилия помнила, как газеты и журналы тут же «переобулись».

«Кровавое безумие!» – кричали таблоиды. «Опасная зараза под маской модного течения!» – вторили им журналы.

Родители богатеньких юнцов укладывали своих отпрысков в дорогие клиники. Остальные оказывались в обычных городских больницах. Единственным лекарством от вампиризма был ужасный, отупляющий ихордон. Казалось, что Ларри напрочь об этом забыл, и Лилия не видела причин напоминать ему.

¹⁷ Ночной клуб, существовавший с 1978 по 1983 год. Пользовался популярностью у знаменитостей того времени. Помимо концертов, в клубе проводились литературные чтения таких известных писателей и поэтов, как Уильям Берроуз, Аллен Гинзберг и др.

В конце Шестой авеню они наконец поймали такси и проехали Виллидж и историческую Дамскую милю. На углах там и тут собирались компании, толпа собралась у заброшенной, переделанной в ночной клуб церкви. Лилии показалось, что в одном из переулков мелькнула фигура в плаще. Она заметила, как напрягся Ларри, и поняла, что он тоже это видел.

– Время нового цикла? – пробормотал он.

Лилия промолчала.

– Каждые двадцать пять – тридцать лет, плюс-минус год, начинается новый цикл, – продолжил Ларри, и Лилия кивнула.

Такси свернуло на Двадцать пятую улицу и остановилось у «Гаража». Последний оплот блошиных рынков располагался посреди жилого квартала и тянулся на восток до Двадцать четвертой. Официально рынок открывался в восемь утра, но торговцы уже подтягивались. Фургоны ездил вверх-вниз по рампам гаража, а среди них мелькали и ранние покупатели.

На нижний уровень спустилась худая девушка в компании мускулистого парня в черном. Предоставив Ларри право первым пойти за ними, Лилия задумалась, сработает ли ее план.

В отличие от старого блошиного рынка, вокруг этого места не было ореола таинственности. Здесь пахло бензином и скверным кофе, а освещение отсекало любую необходимость в фонариках. Завсегдатаи терпеливо ждали, пока продавцы распакут товар. Парочка в черном встретила в уголке с небольшой группой молодых людей, только что пришедших из баров и клубов. Не оглядываясь на Лилию, Ларри направился к ним. Она шла за ним по пятам, возвращаясь в давно покинутый ими мир.

Она прекрасно знала, что найдет Ларри. Карточки с именами знаменитых гостей клуба «Индиго» – Коула Портера, Уинстона Геста, Дороти Паркер¹⁸. Расписанные зубастыми кошками изящные веера из клуба «Золотой дворец», когда-то процветавшего в Чайнатауне. И, конечно же, несколько вещей из «Дома Мирны». Все это было содержимым коробки, которую Лилия несколькими днями ранее получила на острове Рузвельт.

Лилия наблюдала, как Ларри осматривает не только товары, но и покупателей. Подошли еще несколько подростков. Это место чем-то напоминало их собственный прилавок тридцатилетней давности. Подростки обратили внимание на салфетку с золотыми клячками, торчащую из кармана Ларри. Он спросил продавщицу, где она достала свой товар, и может ли достать еще.

Торговка была родом откуда-то из Восточной Европы, и плохо говорила по-английски. Она смогла лишь сказать, что купила вещи у какой-то женщины. Нет, та не назвала своего имени. Нет, других вещей у нее не было. Свою роль торговка исполняла хорошо, и ни разу не взглянула в сторону Лилии.

Зеваки зашевелились. Обернувшись, Лилия увидела приближающиеся фигуры в солнцезащитных очках. Создания ночи прибыли. Это было новое, неформальное поколение в шортах и шлепанцах, но некоторые, отдавая дань традиции, все же явились в плащах.

Другие торговцы и покупатели замерли, качая головами. По спине Лилии пробежали мурашки. Она начала сомневаться, стоила ли игра свеч, но тут кое-что увидела, и поняла, что судьба к ней благосклонна.

Создания ночи притащили с собой молодого автора «Алисы и вампиров». Он тарачил глаза и выглядел ошеломленным. Рубашка его была расстегнута, а на шее и горле красовались свежие отметины от укусов.

Ларри остолбенел. Лилии сразу стало ясно, что он вновь обрел себя; обрел ту компанию, в которой всегда мечтал находиться. Сейчас в нее принимали молодых и красивых, но, быть может, в ней найдется место и немолодым, но обеспеченным.

¹⁸ Коул Портер (1891–1964) – американский композитор и автор песен. Уинстон Гест (1906–1982) – англо-американский чемпион мира по игре в поло. Дороти Паркер (1893–1967) – американская поэтесса и литературный критик.

Он достал кошелек и спросил торговку, сколько та хочет за все вампирские цацки. Услышав заоблачную цену, которую продавщице сообщила Лилия, он даже не дрогнул. Толпа была встревожена неожиданным вторжением неизвестного богатея.

– Я знаю, где вас ждет настоящий клад с подобными сокровищами, – шепнула Лилия толпе.

Ларри кивнул и раздал вещи тусовщикам и созданиям ночи. Теперь они глядели на незнакомца с интересом. Молодой писатель узнал Ларри, вырвался из рук своих сопровождающих, заключил Ларри в объятия и легонько куснул за шею.

Не переставая сыпать обещаниями, Лилия принялась раздавать потертые визитки «Сокровищницы».

– Заходите на следующей неделе. У нас вы найдете сувениры и модную одежду.

Тут ей пришла в голову идея сшить новые модные футболки. Она знала, что состаренные вещи можно было раздобыть с минимальными вложениями; также стоило вернуть моду на плащи. Ларри был совершенно зачарован, так что вопрос о деньгах не стоял.

Толпа постепенно потекла к выходу. Ларри с Лилией отправились следом, но как только вышли на улицу, то заметили, что клубная молодежь и создания ночи будто сквозь землю провалились.

Лилия знала одно место, которое работало допоздна, и повела туда Ларри. Всю дорогу он выглядел немного растерянным. Лилия решила, что он наконец вспомнил про ихордон, ломки, стоматологические клиники, где врачи спиливали вампирам клыки, и кружки групповой терапии, где проходившие курс реабилитации вампиры рассказывали о своих родителях.

– Не волнуйся, клиентов мы найдем, – сказала Лилия.

На шее Ларри проступили капли крови. Заметив это, он промокнул их салфеткой из «Дома Мирны». А когда Лилия назвала сумму, нужную, чтобы возродить «Сокровищницу», лишь кивнул.

Лилия была уверена, что вампиризм не затянет ее вновь. А вот Ларри наверняка потонет с головой. Она вспомнила его маленькую приемную дочь и задумалась.

Но она вспомнила и другое – как тридцать лет назад на блошином рынке пыталась защитить Ларри от созданий ночи, а он без сожалений сдал ее им.

Поэтому мысли Лилии переключались от крошки Ай Лин к Бойду. Да, он, вероятно, бросит Ларри, но о дочери того наверняка позаботится. Взяв Ларри под руку, Лилия повела его туда, где можно было спокойно поговорить о деньгах.

История, рассказанная Шляпой, происходит далеко от Нью-Йорка, однако его самого вы можете встретить только в Нью-Йорке.

Питер Страуб Шляпа-поркпай¹⁹

Часть первая

1

Если вы разбираетесь в джазе, то наверняка слышали об этом человеке и должны узнать его по названию моего рассказа. Если музыка вас не интересует, то его имя не имеет значения. Назовем его Шляпа. Имя не важно – важно, чего он стоил. Нет, не для слушателей, тронутых его игрой на дудке («дудкой» в случае Шляпы был старенький тенор-саксофон «Сельмер», с которого слезла почти вся позолота). Я говорю обо всем его жизненном пути, и о том, как продолжительное скольжение от приносящего радость мастерства к тотальному истощению на поверку может оказаться чем-то совершенно иным.

Нет, Шляпа действительно страдал от алкоголизма и депрессии. Последние десять лет жизни он, по сути, морил себя голодом и к моменту смерти в номере отеля, где мы с ним познакомились, стал едва ли не прозрачным. Но играл он почти до самого конца. В дни, когда он работал, он поднимался около семи вечера, слушал пластинки Фрэнка Синатры или Билли Холидей, одевался, приезжал в клуб к девяти, играл три сета, возвращался домой в четвертом часу утра, выпивал и снова слушал пластинки (в записи большинства из которых сам принимал участие). А потом укладывался спать – в то время, когда нормальные люди обычно готовятся обедать. Когда он не работал, то ложился на часик пораньше, просыпался в пять или шесть вечера, слушал пластинки и пил весь свой перевернутый день напролет.

Может показаться, что он влачил жалкое существование, но его жизнь была просто несчастной. Причиной тому была глубокая, неизлечимая печаль. Печаль и горе – разные вещи, по крайней мере в случае Шляпы. Его печаль была обезличенной, она не оставила на нем следа, как способно сделать горе. Печаль Шляпы была вселенских масштабов – ну или по крайней мере превосходила печаль каждого отдельно взятого человека во Вселенной. Внутри нее Шляпа был неизменно мягок, добр и даже весел. Его печаль казалась лишь обратной стороной столь же обезличенной радости, которой было пронизано его раннее творчество. В последние годы его музыка стала тяжелее, а грусть слышалась в каждой музыкальной фразе. Под конец жизни все его творчество оказалось проникнуто разочарованием. Шляпа выглядел человеком, в жизни которого есть великая тайна, и он чувствует себя обязанным поведать о том, что видел, и о том, что видит сейчас.

2

В Нью-Йорк я переехал из Эванстона, штат Иллинойс, где закончил университет по специальности «английский язык и литература». С собой я привез две коробки пластинок и первым делом пристроил в своей комнате общежития Колумбийского университета переносной проигрыватель. В то время я все делал под музыку, и разбирал чемоданы я уже под мелодии

¹⁹ “Pork Pie Hat” © 1994 Peter Straub. First publication: *Pork Pie Hat* (Orion). Поркпай – шляпа с невысокой ровной цилиндрической тульей и укороченными, чуть загнутыми вверх полями. Названа так за сходство с традиционным британским пирогом со свинойной.

учеников Шляпы. Тогда, в двадцать один год, я предпочитал так называемый кул-джаз и испытывал некое абстрактное уважение к Шляпе – родоначальнику этого стиля. Я не был знаком с его ранними произведениями, а из поздних слышал лишь одну композицию со сборника звукозаписывающей фирмы «Верв». Я думал, что этот музыкант давно уже умер, а если и нет, то ему должно быть уже лет семьдесят, как Луи Армстронгу. На деле же человеку, которого я воображал едва ли не древним старцем, не исполнилось и пятидесяти.

Первые пару недель учебы в новом университете я почти никуда не выходил. Я посещал пять курсов и магистерский семинар, и перемещался исключительно между аудиториями, общежитием и библиотекой. К концу сентября нагрузки стало меньше, и я стал выбираться в Гринич-Виллидж. Единственная ветка метро, где я не боялся заблудиться, была под управлением «Ай-Ар-Ти»²⁰, и представляла собой прямую линию, что позволяло сесть на Сто шестнадцатой улице у самого университета и доехать до Шеридан-сквер. От Шеридан-сквер шли улицы с невообразимым (невообразимым для того, кто последние четыре года провел в Эванстоне, Иллинойс) количеством кафе, баров, ресторанов, музыкальных и книжных магазинов и джаз-клубов. Я ведь приехал в Нью-Йорк не только ради магистратуры, но и за этим.

В семь часов вечера первой субботы октября я увидел афишу с именем Шляпы на окне джаз-клуба неподалеку от Сент-Маркс-плейс, и узнал, что он еще жив. Моя уверенность в его смерти была столь сильна, что я даже подумал, будто афиша старая. Я долго не сводил глаз с этой, как мне казалось, реликвии. Шляпа выступал с трио, в составе которого были его давние коллеги – бас-гитарист и ударник, но пианистом был заявлен Джон Хоуз – один из моих любимых музыкантов, с полдюжины записей которого осталось у меня в общежитии. По-прежнему убежденный в том, что афиша памятная, я решил, что Хоузу тогда должно было быть лет двадцать. Как знать, может это вообще его первое выступление? Участие в квартете Шляпы наверняка стало для Хоуза одним из первых шагов к славе. Для меня Джон Хоуз был кумиром, и даже мысль о том, что он играл с допотопным Шляпой, разрывала все устоявшиеся в моей голове шаблоны. Тут я присмотрелся к дате, и моя упорядоченная, снобистская реальность пошатнулась еще сильнее под натиском невыносимого. Гастроли Шляпы начались на этой неделе, во вторник – первый вторник октября, а последний концерт был назначен через воскресенье, прямо перед Хэллоуином. Мало того, что Шляпа был жив, так еще и Джон Хоуз играл с ним. Не знаю, что из этого было для меня более удивительным. На всякий случай я зашел внутрь и спросил флегматичного коротышку за барной стойкой, действительно ли Джон Хоуз будет сегодня выступать.

- Это в его интересах, – ответил коротышка. – Иначе ни цента не получит.
- Значит, Шляпа еще жив? – изумился я.
- Можно и так сказать. Будь ты на его месте, давно бы уже откинул копыта.

3

Спустя два часа и двадцать минут Шляпа появился на пороге, и я увидел, чего он стоит. Примерно треть столиков между входом и сценой была заполнена людьми, пришедшими послушать трио – и я был в их числе. Вечер выдался на славу, и я надеялся, что Шляпа вовсе не появится и не станет мешать Хоузу солировать. Тот играл восхитительно, хоть и выглядел немного отрешенным. Может, он всегда такой. Меня это вполне устраивало. Игра с легким равнодушием – в этом весь Хоуз. Но тут басист взглянул на входную дверь и улыбнулся, а ударник выбил на малом барабане дробь, которая удачно вписалась в мелодию и одновременно послужила наполовину шуточным, наполовину серьезным приветствием. Я отвел глаза от трио и повернулся ко входу. На пороге стоял сутулый мужчина с довольно светлой для афроамериканца

²⁰ Изначально – частная транспортная компания, в наши дни – одно из подразделений Нью-Йоркского Метрополитена.

рикканца кожей, закутанный в длинное черное пальто. В руках у него был футляр для тенор-саксофона, почти полностью покрытый наклейками из аэропортов, а на голове красовалась низко надвинутая на глаза черная шляпа-поркпай. Едва войдя внутрь, мужчина плюхнулся на стул у свободного столика – в прямом смысле плюхнулся, словно не мог двигаться дальше без посторонней помощи.

Почти все, кто отвлекся на него, повернулись обратно к трио Джона Хоуза, которое заканчивало исполнять *Love Walked In*²¹. Старикан с трудом расстегнул пальто и позволил ему сползти с плеч на спинку стула. Затем, с такой же болезненной медлительностью, он снял шляпу и аккуратно положил на стол. На столе откуда-то взялась наполненная до краев рюмка, хотя я не заметил, чтобы к нему подходил официант. Шляпа поднял рюмку и одним махом вылил содержимое себе в рот. Прежде чем проглотить, он окинул взглядом помещение, не шевеля при этом головой. На нем был темно-серый костюм, синяя рубашка, застегнутая на все пуговицы, и черный вязаный галстук. Лицо его выглядело помятым и пропитым, а глаза казались бесцветными – не просто поблекшими, а стертymi начисто. Он нагнулся, открыл футляр и принялся собирать дудку. Как только *Love Walked In* отзвучала, он поднялся на ноги, подвесил саксофон на ремешок и под жидкие аплодисменты направился на сцену. Шляпа уверенно ступил на сцену, кивнул публике и что-то шепнул Джону Хоузу. Тот сразу же опустил руки на клавиши. Ударник не переставал улыбаться во весь рот, а басист закрыл глаза. Шляпа перевернул дудку, осмотрел мундштук и сунул его поглубже. Облизав трость, он дважды притопнул ногой и взял мундштук в рот.

Дальнейшее в корне изменило мою жизнь – или, по крайней мере, меня самого. Я чувствовал, будто нашел нечто жизненно необходимое, некую сущность, которой мне не хватало. Каждый, кто впервые слышит великого музыканта, наверняка чувствует, как расширяются границы его личной вселенной. Это произошло со мной, когда Шляпа начал играть *Too Marvelous For Words*²², одну из двадцати с чем-то композиций, которые на тот момент составляли его репертуар. На деле он вплеп в *Too Marvelous For Words* какую-то собственную импровизацию, которая прекрасно дополняла оригинал, но при этом превосходила его, превращая милую беззаботную песенку в по-настоящему глубокое произведение. На несколько секунд я затаил дыхание; по коже бегали мурашки. Посередине соло Шляпы я заметил, что Джон Хоуз – тот самый Хоуз, которого я боготворил – точно так же не может отвести взгляда от Шляпы и точно так же боготворит его. К этому моменту я и сам готов был преклонить перед Шляпой колени.

Я остался на все три сета, а на следующий день после семинара отправился в магазин Сэма Гуди и купил сразу пять пластинок Шляпы – на большее не хватило денег. Вечером я вернулся в клуб и занял столик прямо у сцены, и следующие две недели приходил туда каждый вечер, когда чувствовал, что могу позволить себе отдохнуть от учебы. Всего восемь или девять вечеров из двенадцати. Каждый вечер был как первый – исполнялись те же произведения, в том же порядке. Шляпа всегда появлялся посередине первого сета и плюхался на ближайший стул. Официант ненавязчиво подносил ему напиток. Шляпа снимал поркпай и пальто, доставал из футляра дудку. Пока Шляпа собирал саксофон, официант уносил все остальное в закулисное помещение. Когда Шляпа поднимался на сцену, то сразу же казался выше, прямее, осанистее. Из раза в раз повторялся кивок зрителям, из раза в раз он что-то шептал Джону Хоузу. Повторялось и то ощущение перехода границы между мастерски исполненной музыкой и таинственным, великим искусством. Между композициями Шляпа регулярно делал глоток из поставленного у ног стакана. Три сета по сорок пять минут. Два получасовых перерыва, во время которых Шляпа скрывался за кулисами. Одни и те же двадцать с хвостиком мелодий. Я чувствовал упоение, словно слушал Моцарта в исполнении самого Моцарта.

²¹ Композиция Джорджа Гершвина, написанная в 1930 г.

²² Популярная песня, написанная в 1937 г. композитором Ричардом Уайтингом на стихи Джонни Мерсера.

Однажды вечером под конец второй недели я отвлекся от библиотечной книги, которую пытался целиком уместить в голове – «Современный подход к Мильтону», – и вышел из кабинки, чтобы разыскать хоть какие-нибудь статьи о Шляпе. Звук его тенор-саксофона не давал мне покоя с самого утра. В то время я был типичным ученым-недоучкой и считал, что на страницах научных журналов можно найти ответы на все вопросы – хотя бы в форме интерпретаций. Раз в библиотеке нашлось едва ли не две тысячи статей о Джоне Мильтоне, то о Шляпе должна найтись хотя бы сотня? А в десятке из этих статей должно быть научное объяснение тем непередаваемым ощущениям, что я испытываю, слушая его. Я искал подробные описания его соло, аналитические статьи, объясняющие воздействие Шляпы на человеческое восприятие на основе перемены ритма, чередования аккордов и выбора нот – таким же образом, как исследователи поэзии анализируют выбор слов, стихотворные размеры и сочетание образов.

Разумеется, никакие десять статей, разбирающих соло Шляпы с точки зрения современного музыковедения, я не нашел. Мне удалось отыскать шесть старых заметок в «Нью-Йорк таймс», примерно столько же обзоров его пластинок в джазовых журналах и пару посвященных ему глав в джазовых энциклопедиях. Шляпа родился в Миссисипи, играл в семейном ансамбле, но, добившись локальной известности, разругался с остальными членами семьи и присоединился к другому популярному джаз-бэнду. Стоило новому ансамблю прогреметь по всей стране, как Шляпа покинул и его при не менее загадочных обстоятельствах. После этого он отправился в одиночное плавание. Похоже было, что для получения хоть каких-то сведений о нем нужно было обращаться исключительно к его музыке – других подходящих материалов попросту не существовало.

Отложив каталоги, я вернулся в кабинку, отгородился от окружающего мира дверью и вновь принялся вбивать в голову «Современный подход к Мильтону». Около шести вечера мне стукнуло в голову: а ведь я бы мог написать о Шляпе! Беря во внимание весьма скудную критику его творчества и почти полное отсутствие информации о самом музыканте, я должен был написать о нем! Единственным препятствием было то, что я ровным счетом ничего не смыслил в музыке. Я бы не смог написать статью, которую сам захотел бы прочитать. Но хотя бы взять у Шляпы интервью я мог. Возможно, интервью будет ценнее какого-то анализа. Я мог бы заполнить белые пятна, получить ответы на множество вопросов – например, почему он дважды покидал ансамбли на волне успеха?

Быть может, он конфликтовал с отцом, а потом перенес свои проблемы на лидера нового ансамбля? Неспроста же это все. Ни один успешный ансамбль не захочет вот так терять своего звездного солиста – почему они не упростили его остаться? Не дали ему больше денег, в конце концов? Были у меня и вопросы, которыми никто прежде не задавался. Кто из тенор-саксофонистов оказал на него наибольшее влияние? Что он думает о тех музыкантах, на которых повлиял сам? Дружит ли он с кем-то из своих творческих наследников? Приходил ли кто-нибудь из них к нему для обучения?

Но прежде всего меня интересовала его повседневная жизнь. Мне невероятно хотелось знать, какова на вкус жизнь гения. Если бы я мог выразить свои смутные фантазии в словах, то описал бы что-то, подобное моим наивным представлениям о жизни Леонарда Бернстайна²³. Мысленно я рисовал Шляпе большую квартиру с роскошной мебелью и современным музыкальным проигрывателем, хорошую, но неброскую машину, картины... одним словом, все то, что должно было окружать знаменитого американского артиста по мнению живущего в общестии студента из Эванстона, Иллинойс. Единственной разницей между Шляпой и Бернстайном было то, что дирижер жил где-то на Пятой авеню, а саксофонист – в Гринич-Виллидж.

Я покинул библиотеку, напевая *Love Walked In*.

²³ Леонард Бернстайн (1918–1990) – выдающийся американский композитор, пианист и дирижер, автор симфоний, балетов и других музыкальных произведений.

4

Прикрепленная цепочкой к полке, на которой стоял платный телефон общежития, телефонная книга Манхэттена была размером с хороший словарь, но номера Шляпы в ней не нашлось. Спустя некоторое время неудача постигла меня и с такими же внушительными телефонными книгами Бруклина, Куинса и Бронкса, а также с более скромным справочником Статен-Айленда. Не мог же Шляпа жить за пределами Нью-Йорка? Нет, всему находилось вполне разумное объяснение: будучи знаменитостью, он запретил публиковать свой номер, чтобы защититься от навязчивых поклонников. Другой причины отсутствия его номера в пяти телефонных книгах я придумать не мог. Разумеется, Шляпа жил в Гринич-Виллидж – это место было как раз для таких как он.

Но уже тогда, вспомнив нездоровый вид человека, который каждый вечер буквально падал на стул, я засомневался. Что, если жизнь великого артиста не соответствовала моим представлениям?

Шляпа был прилично, но небогато одет – он словно отклонялся от мирской славы ровно настолько, насколько его вариации на *Too Marvelous For Words* отступали от оригинала. На мгновение я даже представил своего кумира в трущобах, в полуразвалившейся квартирке с протекающим потолком, где по полу шмыгали тараканы. Я понятия не имел, как на самом деле жили джазовые музыканты. Не пугающий стереотип Голливуд окружал их роскошью. В тех редких случаях, когда до джазменов снисходила литература, они обычно появлялись среди обшарпанных стен и кроватей с продавленными матрасами. Богемные писатели – Артур Рембо, Джек Лондон, Джек Керуак, Харт Крейн, Уильям Берроуз – сами подчас жили в запущенных, унылых комнатах. Вдруг номера моего гениального музыканта не было в телефонной книге лишь потому, что он не мог позволить себе телефон?

Сама мысль об этом казалась мне постыдной, и я тут же придумал новое объяснение: Шляпа не мог жить в квартире без телефона. В нем по-прежнему было изящество, присущее его поколению джазменов, – поколению, что одевалось с иголки, носило лакированные туфли, играло в больших ансамблях, и чья жизнь проходила в автобусах и гостиницах.

Вот и ответ! Вариант с квартирой в Гринич-Виллидж нравился мне больше, но номер в каком-нибудь «богемном» отеле вроде «Челси» также вполне подходил Шляпе, и стоил наверняка меньше. Вдохновленный догадкой, я тут же разыскал номер «Челси» и попросил соединить со Шляпой. Администратор ответил, что у них он не останавливался.

– Но вы же знаете, кто он? – спросил я.

– Конечно, – сказал администратор. – Гитарист, так? Играет в какой-то группе из Сан-Франциско, но название не вспомню²⁴.

Я сразу же повесил трубку, понимая, что добыть номер Шляпы смогу лишь двумя способами: обзвонив все гостиницы Нью-Йорка или спросив его самого.

5

Это было в понедельник, когда все джаз-клубы закрыты. Во вторник профессор Маркус задал нам прочитать к пятнице всю «Ярмарку тщеславия», а в среду, после того как я провел бессонную ночь с Теккереем, руководитель семинара попросил подготовить доклад по «Двум кавалерам» Джойса все к той же пятнице. В результате среду и четверг я не вылезал из библио-

²⁴ Общим термином «Группы из Сан-Франциско» (также «Звук Сан-Франциско») называли рок-группы середины 1960-х и 1970-х годов, базировавшиеся в этом городе. В их число входили Grateful Dead, Jefferson Airplane, Quicksilver Messenger Service и другие.

теки. В пятницу я выслушал искроментную лекцию профессора Маркуса о «Ярмарке тщеславия» и зачитал перед однокурсниками свой корявый и бестолковый доклад, на каждой из пяти страниц которого минимум дважды встречалось слово «откровение». Руководитель семинара с улыбкой кивал на протяжении всего моего выступления, а когда я сел на место, он взял мою писанину и сделал вид, будто перерезает ей свое горло.

– Многие студенты слишком уверены в непогрешимости собственного мнения, – сказал он. Остальные его замечания я со стыда прохлопал ушами. Вернувшись в общежитие, я решил прилечь на пару часов, но в результате провалялся десять и проснулся глубокой ночью. Все заведения, включая бар «Вест-энд» и даже местную кофейню, давно закрылись.

Субботним вечером я наконец добрался до привычного столика у сцены и с предвкушением уставился на не менее привычное трио. Посередине *Love Walked In* я, уже наученный опытом, оглянулся, чтобы лицезреть драматический выход Шляпы, но он не появился, и композиция отзвучала без него. Джон Хоуз с остальными музыкантами и бровью не повели, и принялись исполнять *Too Marvelous For Words* без солиста. На протяжении трех следующих композиций я то и дело оглядывался в поисках Шляпы, но сет так и закончился без него. Хоуз объявил короткий перерыв, и музыканты направились в бар. Я ерзал на стуле, потягивая пиво и нетерпеливо поглядывая на дверь. Минуты тянулись нестерпимо медленно. Я опасался, что Шляпа не придет. Что он упал в обморок в своем номере, попал под машину, что его хватил удар и он лежит мертвый в какой-нибудь больнице – и я так и не напишу статью, которая сполна воздаст должное его таланту!

Полчаса спустя Джон Хоуз с музыкантами вернулся на сцену, так и не дождавшись солиста. Казалось, никто кроме меня и не заметил отсутствия Шляпы. Другие зрители болтали, курили – да, в те времена люди еще курили где вздумается – и уделяли музыке лишь поверхностное и в значительной степени показное внимание. Впрочем, так они вели себя даже когда Шляпа был на сцене. Сегодня он задерживался уже на полтора часа, и я заметил, как злобно хозяин клуба, тот бандитского вида коротышка, поглядывает на часы. Хоуз исполнил две мелодии собственного сочинения с последней пластинки, которые мне особенно нравились, но от волнения и досады я слушал их вполуха. Под конец второй композиции на пороге наконец появился Шляпа и еще более устало, чем прежде, плюхнулся на привычный стул. Официант тут же метнулся к нему с рюмкой, но хозяин жестом отозвал его. Шляпа уронил поркпай на стол и принялся расстегивать пальто, но услышав, что играет Хоуз, прислушался и замер, держась за пуговицу. Я тоже прислушался. У этой мелодии был более жесткий, выверенный, современный рисунок, типично Хоузовский. Шляпа покивал головой, снял пальто и щелкнул замками футляра. Зрители наградили Хоуза непривычно теплыми аплодисментами. Шляпа провозился с дудкой куда дольше обычного, и пока он собирался, Хоуз и двое остальных внимательно следили за ним, будто опасаясь, что он не сможет доковылять до сцены. Шляпа лавировал между столиками, запрокинув голову и едва заметно улыбаясь. Когда он приблизился к сцене, я заметил, что он идет, опираясь на носки, словно ребенок. Хозяин сурово смотрел на него, скрестив руки на груди. Шляпа буквально вплыл на сцену. Облизал трость. Опустил саксофон и уставился на зрителей, разинув рот.

– Леди, леди, – произнес он мягким, высоким голосом. Это были первые слова, которые он при мне произнес. – Спасибо за теплый прием, оказанный вами моему пианисту, мистеру Хоузу. Я должен объяснить причину своего опоздания. Сегодня умер мой сын, и я... занимался... разными мелочами. Благодарю вас.

Не дожидаясь реакции, он дал сигнал Хоузу, взял в рот дудку и заиграл блюзовую композицию *Hat Jumped Up* из своего обычного репертуара. Зрители буквально остолбенели. Хоуз, бас-гитарист и ударник играли так, будто не случилось ничего неожиданного – я подумал, что они, должно быть, уже знали о смерти сына Шляпы. А может, знали, что никакого сына у него нет, и понимали, что он лишь выдумал столь чудовищное оправдание своему полуторачасо-

вому опозданию. Хозяин клуба задумчиво закусил губу. Шляпа одну за другой исполнял знакомые, простенькие музыкальные фигуры. Его саксофон звучал грубо, даже хрипло. В конце своего соло он несколько раз повторил одну и ту же ноту, отрешенно зажимая ее пальцем и уставившись при этом в направлении дальних столиков. Может, он заметил, как уходят слушатели – три пары и еще двое человек. Но мне показалось, что он ничего вокруг не замечал. Когда мелодия закончилась, Шляпа что-то шепнул Хоузу, и тот объявил короткий перерыв. Второй сет закончился.

Шляпа отложил саксофон на пианино и спустился со сцены, напряженно поджав губы. Из-за барной стойки вышел хозяин и подошел к нему, что-то тихо сказав. Шляпа ответил. Со спины он выглядел сутулым и усталым, его волосы небрежно кучерявились над воротником. Судя по всему, его ответ не удовлетворил хозяина, и тот произнес еще что-то, прежде чем оставить Шляпу в покое. Шляпа немного постоял на месте, будто не сразу заметил, что хозяйина рядом уже нет, и поскользился дальше к черному ходу. Только тогда, глядя ему в спину, я заметил, как странно он на самом деле выглядел. Проходя сквозь дверной проем в своем сером фланелевом пальто, с растрепанными завитками волос, пока слушатели еще осмысливали известие о смерти его сына, Шляпа казался единственным в своем роде, даже как будто отдельным видом человека.

Я обернулся к музыкантам, словно ожидая от них знака или совета, как вести себя дальше. Они как обычно улыбались, болтали с друзьями и поклонниками. Неужели Шляпа действительно потерял сына? Может, это такой джазовый способ утопить горе – выйти на сцену и играть, как ни в чем не бывало? Однако худшего момента, чтобы приблизиться к Шляпе с предложением интервью, нельзя было придумать. Его игра сегодня была пьяной пародией на саму себя. Если я о чем-то его спрошу, он потом даже не вспомнит. Я потрачу зря даже не его время, а в первую очередь свое.

С этой мыслью я встал, прошел мимо сцены и открыл дверь черного хода, за которой скрылся Шляпа. Если время все равно будет потрачено впустую, то я мог тратить его как угодно. Шляпа стоял на улице в десяти футах от меня, прислонившись к кирпичной стене. Дверь захлопнулась за мной со щелчком, но он даже не открыл глаз. Его голова была запрокинута, а на лице было блаженное выражение – казалось, он спит. Он выглядел утомленным и почти бестелесным, слишком слабым, чтобы даже пошевелиться. Я уже готов был вернуться в клуб, когда он извлек из кармана рубашки сигарету, не глядя чиркнул спичкой и прикурил, бросив спичку на землю. Что ж, по крайней мере, он не спал. Я шагнул к нему, и Шляпа открыл глаза. Заметив меня, он выпустил облачко белого дыма.

– Хочешь глотнуть? – спросил он.

Я не понял, что он имеет в виду.

– Сэр, можно отвлечь вас на минутку? – спросил я.

Шляпа запустил руку во внутренний карман пальто и выудил оттуда шкалик.

– Глотни.

Он свинтил пробку и от души глотнул, после чего протянул бутылку мне. Я взял.

– Я прихожу сюда всегда, когда получается.

– И я, – сказал Шляпа. – Давай, глотни.

Я сделал осторожный глоток. В бутылке оказался джин.

– Сожалею о вашем сыне.

– Сыне? – Шляпа поднял глаза, словно пытаясь сообразить, о чем это я. – Да, у меня есть сын. Живет на Лонг-Айленде с матерью, – он сделал еще глоток и проверил, не опустела ли бутылка.

– Значит, он не умер?

Медленно, тягуче Шляпа произнес:

– Если-и-умер-то-никто-мне-не-сказал, – он покачал головой и хлебнул еще джина. – Вот черт. А что если он правда умер, а мне не сообщили? Надо об этом подумать, всерьез подумать.

– А как же то, что вы сказали со сцены?

Шляпа покосился на меня и устремил взгляд куда-то в темное пустое пространство в трех футах перед собой.

– А, да. Верно. Я сказал, что умер мой сын.

Я будто разгадывал загадку сфинкса. Но мне не оставалось ничего иного, кроме как допытываться дальше.

– Сэр, я подошел к вам не просто так, – начал я. – Мне хотелось бы взять у вас интервью. Это возможно? Вы великий музыкант, но о вас почти ничего не пишут. Могли бы мы договориться о встрече в удобное вам время?

Он взглянул на меня своими тусклыми, бесцветными глазами, словно вообще меня не видел. Но тут я понял, что даже в стельку пьяный, он видит абсолютно все – даже то, чего не замечаю я сам.

– Ты музыкальный журналист? Пишешь о джазе? – спросил он.

– Нет, я обычный студент. Мне просто захотелось написать о вас. Для меня это важно.

– Важно, говоришь, – Шляпа отпил еще немного и убрал шкалик в карман. – Хорошо бы дать важное интервью.

Он вновь прислонился к стене, с каждым словом удаляясь куда-то во внеземное пространство. Но отступать было некуда. Я и так начал терять веру в свой проект. Возможно, у Шляпы не брали интервью потому, что обычный американский английский язык был для него сродни иностранному.

– Вы свободны после того, как закончите ангажемент с этим клубом? Я готов встретиться в любом удобном для вас месте, – спросил я, уже ни на что особенно не надеясь. Шляпа был не в той кондиции, чтобы вспомнить, что запланировано у него после концертов. Меня удивляло, как он вообще умудряется каждую ночь добираться домой.

Но он потер лицо, вздохнул и вернул мне веру в него.

– Придется подождать. Закончу здесь, лечу в Торонто на два дня. Тридцатого играю где-то в Хартфорде. Давай после этого.

– Тридцать первого? – спросил я.

– Часов в девять, десять. Будет хорошо, если выпить принесешь.

– Отлично, договорились, – поспешно согласился я, раздумывая, смогу ли после интервью успеть на последний поезд. – А куда на Лонг-Айленд мне приехать?

Шляпа вытаращился на меня в притворном ужасе.

– Не надо ехать на Лонг-Айленд! Приходи ко мне. Отель «Альберт», на углу Сорок девятой и Восьмой. Номер восемьсот двадцать один.

Я улыбнулся – хоть что-то я угадал верно! Шляпа действительно жил в отеле на Манхэттене, пусть и не в Гринич-Виллидж. Я записал его номер телефона и другую необходимую информацию на салфетке, сложил ее, сунул в карман куртки, поблагодарил Шляпу и повернулся к двери.

– Важный говнюк, – выругался он своим высоким, мягким голосом.

Я встревоженно обернулся, но Шляпа уже закрыл глаза и вновь запрокинул голову.

– *Indiana*, – произнес он нараспев. – *Moonlight in Vermont. I Thought About You. Flamingo*²⁵.

Он выбирал, что исполнить в последнем сете. Я вернулся в клуб и увидел, что послушать музыку пришли еще два-три десятка слушателей. Шляпа вернулся вскоре после меня, музы-

²⁵ Indiana (1917) – песня Джеймса Хэнли на слова Балларда МакДоналда. Moonlight in Vermont (1944) – песня Карла Сьюсдорфа на слова Джона Блэкберна. I Thought About You (1939) – песня Джимми ван Хьюзена на слова Джонни Мерсера. Flamingo (1940) – композиция Теда Груи и Эдмунда Андерсона.

канты поднялись на сцену и начался третий сет. Помимо обычного репертуара Шляпа сыграл все четыре упомянутые песни, надолго растянув сет. Он играл блестяще как никогда, лучше, чем во все предыдущие вечера. Слушатели встречали овацией каждое его соло, а я не понимал, чего в его исполнении больше – гениальности или безысходности.

Наутро, за завтраком в кафетерии общежития, я прочитал в воскресной «Сандей Нью-Йорк таймс» некролог, частично объясняющий вчерашние события. Рано утром в субботу в автомобильной аварии погиб тридцативосьмилетний саксофонист Грант Килберт. Он был одним из самых успешных джазменов в мире, его популярность выходила далеко за рамки привычного круга поклонников джазовой музыки. Килберт был одним из лучших учеников Шляпы и одним из моих любимых музыкантов. С самой первой пластинки, *Cool Breeze*, игра Килберта внушала восторг и уважение. Я взглянул на фотографию симпатичного молодого человека, ослепительно улыбающегося из-за саксофона, и вдруг вспомнил, что первыми четырьмя песнями на пластинке *Cool Breeze* были *Indiana*, *Moonlight in Vermont*, *I Thought About You* и *Flamingo*. Шляпе сообщили о гибели Килберта перед выступлением. То, что показалось мне пьяной выходкой, было истинной скорбью о потерянном сыне. Я понял, что «важным говнюком» был погибший сын, а не сам Шляпа. То, что я принял за отрешенность и рассеянность, на деле было иронией.

Часть вторая

1

Тридцать первого октября я позвонил Шляпе, и удостоверившись, что он не забыл о нашей встрече, отправился в номер 821 отеля «Альберт», чтобы взять интервью. Если вкратце, то я задавал вопросы и слушал длинные пространные ответы, подчас полные ругательств. Ночь выдалась долгой, и Шляпа успел приговорить бутылку джина «Гордонс», что я ему принес – целую, почти литровую бутылку, без тоника, льда, и ни с чем не смешивая. Он просто наливал его в стакан и хлебал как воду. От предложения «глотнуть» я отказался. Я то и дело проверял, работает ли диктофон, одолженный мной у знакомого студента-экономиста. Я менял пленки, не дожидаясь, пока они кончатся, и делал пометки про запас в стенографическом блокноте. Пару раз Шляпа ставил пластинки с записями, которые, по его мнению, мне следовало обязательно послушать, а порой сам напевал отдельные музыкальные фразы для наглядного примера. Он усадил меня в единственное кресло в номере, а сам, одетый в темно-синий костюм в мелкую полоску, белоснежную рубашку с черным вязаным галстуком и фирменный поркпай, всю ночь ерзал на краешке своей кровати. Для него наше интервью было официальным мероприятием, требовавшим соответствующего облика. Встретив меня ровно в девять, Шляпа назвал меня Леонардом Фезером, по имени известного джазового критика, а провожая меня в полседьмого утра, обратился ко мне «мисс Розмари». Тогда я уже знал, что это была отсылка к Розмари Клуни, чье пение он очень любил. То, что Шляпа дал мне такое прозвище, означало, что я ему тоже понравился. Тем не менее я не был уверен, что музыкант запомнил мое настоящее имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.